РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКОВОЙ).

1896.

Сентябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.
1896.

На развалинахъ древняго Мерва.

(Изъ путевыхъ записокъ).

Наши азіатскія окраины привлекаютъ къ себѣ вниманіе какъ въ Россіи, такъ и за границей. И это настолько понятно, что нѣтъ надобности указывать причины... Наиболѣе интересной окраиной представляется Закаспійская область.

Достаточно припомнить хотя бы тѣ вопли, которые подняли англійскія газеты въ дни скобелевской экспедиціи на Геокъ-Тепе, и потомъ послѣ занятія русскими войсками Мерва, чтобы понять все значеніе для насъ пустынь и степей Закаспійскаго края.

Если сопоставить съ этимъ послѣднія и самыя недавнія нападки «властителей Индіи» на наше правительство за предположенную имъ постройку желѣзной дороги изъ Мерва на Кушкинскій постъ («и на Гератъ»—добавляютъ англійскія газеты), то важность ихъ пріобрѣтенія окажется и для насъ внѣ всякихъ сомнѣній,—при всемъ нежеланіи Россіи принимать на себя тѣ задачи и цѣли, которыя такъ предусмотрительно старается навязать и разъяснить ей благожелательная сосѣдка.

Не задаваясь непосильной задачей всесторонняго обозрѣнія Закаспійской области,—я остановлюсь на блестящемъ прошломъ Мервскаго оазиса, и на одномъ изъ первыхъ нашихъ начинаній въ краѣ, которому нельзя не пожелать отъ души самаго полнаго успѣха—а именно, Мургабскомъ государевомъ имѣніи, возникшемъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ процвѣталъ древній Мервъ, «Душа царская», какъ называли Мервъ въ VII и послѣдующихъ вѣкахъ.

I.

Исторія Мервскаго оазиса.

Старый и Новый Мервы.—Древность Стараго Мерва —Его высокая культура при арабахъ и сельджукахъ.—Разгромъ монголами и паденіе.—Новый Мервъ. — Основаніе Мургабскаго имѣнія и его оросительной системы.

Немного найдется на свѣтѣ мѣстностей, которыя могли бы поспорить съ Мервомъ своей древностью, а равно превратностью историческихъ судебъ и величіемъ славы въ дни процвѣтанія.

Но чтобы не породить недоразумѣній, я долженъ теперь же оговориться и попросить читателя отнюдь не смѣшивать въ своемъ представленіи *Стараго Мерва*, о которомъ пойдетъ рѣчь далѣе, съ *Мервомъ Новымъ*, присоединившимся къ Россіи въ 1884 году и продолжающимъ существовать и теперь и, конечно, въ несравненно лучшемъ видѣ, чѣмъ при текинцахъ.

Между тѣмъ и другимъ городами нѣтъ ничего общаго.

Начать съ того, что Старый Мервъ уже около ста лѣтъ прекратилъ свое существованіе, да и находился онъ не тамъ, гдѣ лежитъ одноименный русскій городъ, а верстахъ въ 25-ти на востокъ, подлѣ нынѣшней желѣзнодорожной станціи Байрамъ-Али.

Онъ гремѣлъ славой и былъ средоточіемъ культуры въ то время, когда не только о Новомъ Мервѣ, но даже о самихъ основателяхъ его—текинцахъ, не было и помину въ средне-азіатскихъ степяхъ, а нынѣшняя владычица Закаспійской области – великая Россійская Имперія еще и не начинала своей исторической жизни.

Исторія его восходитъ къ отдаленнѣйшимъ, прямо баснословнымъ временамъ.

Подъ именемъ *Моуру* о немъ говорятъ уже священныя книги персовъ, называющія его третьимъ мѣстомъ изобилія, могучимъ, священнымъ и чистымъ, созданнымъ свѣтлымъ богомъ Ормуздомъ для своего собственнаго жительства (первыми двумя мѣстами изобилія были Балхъ и Гератъ).

Страбонъ говоритъ о немъ, какъ объ изобильнѣйшемъ мѣстѣ, охваченномъ со всѣхъ сторонъ пустыней, и настолько производительномъ, что Антіохъ Сотеръ обвелъ его стѣной и основалъ въ центрѣ городъ, назвавъ его своимъ именемъ.

Другіе древніе географы называютъ строителемъ его Двурогаго (Александра-Македонскаго), а цитадели—Тахмураса, «ловца

злыхъ духовъ». Но такъ какъ нѣтъ твердыхъ данныхъ, удостовѣряющихъ пребываніе знаменитаго завоевателя въ Мервскомъ оазисѣ, то предположеніе это необходимо отнести къ числу легендъ [1]).

Передъ нашей эрой Маргіана (Мервскій оазисъ) подчинился парѳянской династіи Арсакидовъ, при которой въ его предѣлахъ поселено было до 10.000 римлянъ, принесшихъ въ оазисъ свою культуру. Эту культуру поддерживало владычество персовъ (съ III в. по Р. Х.) и особенно арабовъ (съ VII в.). Въ IV в. въ Мервѣ появились христіане (несторіане), имѣвшіе здѣсь въ теченіе трехъ вѣковъ свою епископію.

Болѣе точныя свѣдѣнія о прошломъ Мерва начинаются съ VII вѣка, т. е. до того времени, когда городъ вмѣстѣ съ своею областью подчинился добровольно арабамъ, принесшимъ въ него свою богатую культуру.

Они присоединили Маргіану къ Хорасану [2]) и избрали его базисомъ для дальнѣйшаго распространенія ученія ислама въ глубь Азіи, что̀ давало особенное значеніе Мерву.

При халифѣ Аль-Мамунѣ, сынѣ знаменитаго Гарунъ-аль-Рашида, Мервъ сталъ на короткое время столицей Аббасидской династіи и достигъ большой степени процвѣтанія. Съ тѣхъ поръ его стали звать Мервъ-Шахджанъ (Царская душа) или даже Мервъ-Шахджеханъ (Царь Міра).

Многіе тогдашніе путешественники говорятъ о немъ и съ восторгомъ отзываются о разныхъ сторонахъ его жизни.

Такъ, одинъ изъ путешественниковъ X вѣка называетъ его однимъ изъ лучшихъ городовъ Хорасана, славящимся прекраснѣйшимъ хлѣбомъ, сухими фруктами, великолѣпными дынями, вывозимыми въ мѣдныхъ котлахъ ко двору халифовъ, и лучшими на всемъ востокѣ шелковыми тканями.

«Своею чистотою, красотой расположенія, планировкою зданій и кварталовъ между каналовъ и древесныхъ насажденій, обособленностью разныхъ ремесленниковъ на базарѣ Мервъ превосходитъ прочіе города Хорасана», говоритъ онъ.

Другой писатель (Мукадаси) подробно разсказываетъ о прекрасномъ распредѣленіи воды по всему пространству города, объ умѣломъ устройствѣ оросительной плотины на Мургабѣ, а, опи-

---

[1]) Вопреки этому, на Мервскихъ развалинахъ указываютъ калу (крѣпость), будто бы основанную Александромъ Македонскимъ.

[2]) Сѣверо-восточная и одна изъ богатѣйшихъ провинцій нынѣшней Персіи.

сывая Мервъ, говоритъ о немъ, какъ о столицѣ, процвѣтающей, блестящей, просторной и обладающей здоровымъ климатомъ.

«Не спрашивай, добавляетъ онъ, о баняхъ Мерва, о кушаньѣ харисо [1]), о хлѣбѣ, объ умѣ, о мужествѣ жителей, ибо они извѣстны; но спроси о водѣ ихъ, о заработкѣ ихъ и о добродѣтеляхъ,—такъ какъ они хромаютъ; и спроси о хитрости ихъ и о смутахъ: у меня объ этомъ списокъ, извѣстный, вѣрный, написанный чистымъ арабскимъ языкомъ: я правдивъ, я не изъ тѣхъ, которые ѣдятъ лепешку посредствомъ своего знанія (продаютъ знаніе). Я стремлюсь къ раю и желаю отвѣтить на благосклонный призывъ неба. Такъ, Мервъ былъ бы превосходнымъ городомъ, если бы въ немъ не было мало населенія...»

Уже при арабахъ Мервъ пользовался широкой извѣстностью и былъ средоточіемъ наукъ и искусствъ. Въ немъ находились знаменитыя школы, библіотеки, обсерваторіи. Но при сельджукахъ (съ XI вѣка) онъ достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего развитія. При нихъ становится столицей обширной имперіи, обстраивается громадными мечетями, дворцами, училищами, собираетъ въ своихъ предѣлахъ громадное населеніе и становится богатымъ торговымъ городомъ, въ которомъ сходились караванные пути изъ Европы, Индіи, Персіи и Китая.

Изъ государей Сельджукской династіи особенно заботился о Мервѣ знаменитый султанъ Санджаръ [2]), второй Александръ Македонскій Средней Азіи, собравшій въ стѣнахъ своей столицы громадныя богатства и въ ней же похороненный въ великолѣпномъ мавзолеѣ, сохранившемся до нашихъ дней.

Но вотъ въ началѣ XIII вѣка проходитъ по Азіи всесокрушающій потокъ монголовъ, соединившихся подъ властью Чингизъ-хана Потокъ этотъ прошелъ черезъ Персію и Кавказъ и на своемъ пути срылъ и уничтожилъ гордый Мервъ — «Царя Міра».

Одинъ изъ современныхъ писателей говоритъ, описывая этотъ погромъ, что «человѣчество никогда не видало отъ сотворенія міра и, навѣрное, никогда не увидитъ болѣе подобныхъ катастрофъ и бѣдствій. Самъ антихристъ щадитъ тѣхъ, кто пристаетъ къ нему, и губитъ однихъ сопротивляющихся. Эти же варвары не щадили никого: они убивали всѣхъ до послѣдняго человѣка, не дѣлая исключенія для женщинъ и дѣтей и даже для тѣхъ, кто еще былъ въ утробѣ матери...»

---

[1]) Толченая пшеница съ рубленымъ мясомъ.
[2]) Умеръ въ 1157 году.

То же было и съ Мервомъ-Шахджеханъ, разгромленнымъ до основанія и лишившимся своего населенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ...

Тамъ, гдѣ кипѣла шумная жизнь, теперь воцарились мракъ и молчаніе; гдѣ процвѣтала богатая и высокая культура, тамъ бродили шайки разбойниковъ; гдѣ высились пышные дворцы и мечети,—теперь стояли одни остовы стѣнъ, въ которыхъ жили шакалы да совы и останавливались для ночлега бродяги и грабители...

Прошло два вѣка прежде, чѣмъ властители Средней Азіи вспомнили о Мервѣ и порѣшили возстановить его прославленную культуру.

Сынъ знаменитаго «Желѣзнаго Хромца»—Тамерлана, Шахрохъ, унаслѣдовавъ въ началѣ XV вѣкѣ отъ отца его обширнѣйшую имперію, велѣлъ возстановить Мервъ вмѣстѣ съ его великолѣпной оросительной системой.

Въ этомъ обновленномъ видѣ Мервъ продолжалъ существовать при разныхъ владычествахъ и съ XVI вѣка подчинился власти новоперсовъ.

Но никогда уже не достигаетъ онъ прежней славы и величія, а въ концѣ прошлаго (XVIII) и въ началѣ нынѣшняго столѣтія окончательно прекратилъ свое существованіе, благодаря погрому, нанесенному ему бухарскими эмирами Шахъ-Мурадомъ и Эмиръ-Хайдеромъ, которые все населеніе города и оазиса перевели въ Бухару.

Постоянные же разгромы плотины, орошавшей Старый Мервъ, — въ каковымъ разгромамъ охотно прибѣгали враги этого послѣдняго, разъ крѣпкія стѣны города не поддавались первымъ ударамъ,—лишили воды Мервскій оазисъ и, давъ другое направленіе Мургабу, заставили послѣднихъ обитателей перенести свои жилища на западъ—въ тѣ мѣста, гдѣ возникъ впослѣдствіи Новый Мервъ, нынѣшній центральный пунктъ Мервскаго уѣзда.

Но, какъ извѣстно, до прихода въ Закаспійскую область русскихъ, ея туземное населеніе — *туркмены* — вели полукочевой образъ жизни и переносили свои войлочныя кибитки съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ нужды. Постояннаго города еще не существовало, и лишь громадныя земляныя стѣны охватывали довольно большое пространство, гдѣ мервскіе текинцы укрывались со всѣмъ своимъ имуществомъ въ случаѣ опасности. Сильный вождь ихъ, Коушутъ-ханъ, узнавъ о завоеваніи русскими Геокъ-Тепе, сталъ

достраивать эти стѣны, готовясь къ энергичной защитѣ. Но большая часть его подданныхъ, по совѣту вліятельной ханши Гюль-Джамаръ, рѣшила отдаться Россіи добровольно, что́ и было выполнено въ 1884 году. Въ слѣдующемъ же году приступлено было къ продленію Закаспійской желѣзной дороги, а въ 1886 г. открытъ мервскій вокзалъ. За нимъ сталъ быстро расти и украшаться новый городокъ, имѣющій въ настоящее время довольно благоустроенный видъ.

* * *

Занявъ Мервъ и всю страну до Аму-Дарьи, русскіе, конечно, подчинили себѣ и то пространство, которое занимаютъ развалины Стараго Мерва. Въ 1886 г. близъ этихъ развалинъ прошла Закаспійская желѣзная дорога, и возникла станція Байрамъ-Али, названная такъ по имени персидской крѣпости, существовавшей тамъ до 1784 г., когда страною овладѣли бухарцы и окончательно обезлюдили ее, разрушивъ Султанбентскую плотину, направлявшую воды Мургаба къ предѣламъ «Царя Міра».

Весьма естественно, что при видѣ этихъ развалинъ русская власть задалась мыслью возродить эту погибшую культуру. А это было возможно лишь при условіи возстановленія разрушенной 100 лѣтъ назадъ плотины и той оросительной системы, которая вела сюда воду изъ р. Мургаба.

Но такая задача была не подъ силу частному лицу. Ее взялъ на себя въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ III. 6 августа 1886 г. воспослѣдовалъ Высочайшій указъ объ учрежденіи Мургабскаго государева имѣнія, составляющаго собственность царствующаго Императора и находящагося въ вѣдѣніи департамента удѣловъ.

Въ составъ этого имѣнія вошли всѣ впустѣ лежащія по теченію Мургаба земли, на которыя можно было провести воду безъ ущерба для оазиса. Цѣлью учрежденія имѣнія поставлено созданіе большаго образцоваго хозяйства, долженствующаго помочь мѣстной культурѣ и поднять ее на возможную степень совершенства,—на ту степень, на которой она, нужно думать, стояла здѣсь въ давнопрошедшіе вѣка. А для этого прежде всего нужно было провести воду на земли, отошедшія подъ вновь учрежденное имѣніе.

Еще въ 1885 г. главнокомандующій гражданскою частью на Кавказѣ, кн. Дондуковъ-Корсаковъ, предложилъ инженеру К. П. составить проектъ возстановленія упомянутой уже выше древней Султанбентской плотины. Въ 1886 г. проектъ

былъ готовъ; въ слѣдующіе годы производились изысканія, а въ 1889 г. приступлено къ работамъ. Въ октябрѣ 1890 г. работы были окончены, и вода изъ Мургаба была пущена въ новыя гидротехническія сооруженія.

Но тутъ случилось несчастіе: 26 октября, на третій день послѣ торжества освященія оконченныхъ работъ, воды Мургаба, только-что направленныя въ приготовленное для нихъ искусственное русло, оставили это послѣднее и прорыли себѣ новое ложе, въ обходъ всѣхъ этихъ милліонныхъ сооруженій...

Тогда департаментъ удѣловъ обратился къ инженеру А., и тотъ въ теченіе 1891 года составилъ новый проектъ орошенія имѣнія, намѣтивъ устройство плотинъ околосел. Іолотани, лежащаго на 60 верстъ южнѣе нынѣшняго Мерва. Этотъ проектъ тогда же былъ одобренъ, и къ веснѣ 1895 года всѣ главныя работы закончились. 23 апрѣля вода дошла по каналамъ до Мургабскаго имѣнія. Теперь остается только распредѣлить ее по всему пространству имѣнія.

II.

Въ Іолотани.

Сел. Іолотань. — Жестокія лихорадки.—Малярійная эпидемія 1891 года.— Борьба съ лихорадками.—Сила растительности.

Селеніе Іолотань,—центръ одноименнаго оазиса и приставства,—лежитъ, какъ я сказалъ сейчасъ, на 60 верстъ къ югу отъ Мерва, по почтовой дорогѣ изъ этого послѣдняго на Кушкинскій постъ.

Оно вытянулось на нѣсколько верстъ вдоль почтоваго тракта и все утонуло въ зелени высокихъ и густыхъ деревьевъ. Большихъ построекъ въ немъ совсѣмъ не видно; но тѣмъ уютнѣе выглядятъ его маленькіе домики изъ-за зелени, въ которой они буквально тонутъ, облитые горячими лучами вѣчно жгучаго южнаго солнца.

Почтовая станція расположилась при концѣ селенія у большаго полнаго водой арыка [1]), заросшаго съ обѣихъ сторонъ ивой, таломъ, тополемъ и другими насажденіями. А напротивъ стан-

---

[1]) Водопроводная канава.

ціи, черезъ площадь, покрытую травой, расположился домъ пристава, утонувшій въ густомъ и тѣнистомъ саду, охваченномъ деревянною рѣшеткою.

Такъ и казалось, что находишься не въ Закаспійской области, а въ одной изъ центральныхъ нашихъ губерній, передъ богатой и старинной усадьбой, гдѣ одно поколѣніе смѣнялось другимъ и каждое прилагало всѣ силы для украшенія и поддержанія вотчины...

А между тѣмъ все это селеніе, вмѣстѣ съ домомъ пристава, почтовой станціей и этой роскошной растительностью возникло лишь 7—8 лѣтъ тому назадъ, т. е. со времени водворенія въ оазисѣ русской власти!

* * *

Я пріѣхалъ въ Іолотань, когда горячее іюльское солнце близилось уже къ зениту. Для этого мнѣ пришлось выѣхать изъ Мерва въ 5 часовъ утра и скакать, нигдѣ не останавливаясь: ѣздить днемъ по этимъ степямъ въ лѣтніе жары почти немыслимо.

Дождавшись вечера, я пошелъ къ приставу, штабсъ-капитану Л., къ которому имѣлъ рекомендательное письмо.

Онъ былъ въ управленіи, передъ которымъ толпилась масса туземцевъ-халатниковъ. Принялъ онъ меня чрезвычайно любезно и, узнавъ о моемъ желаніи нанять лошадей для поѣздки на Гиндукуштъ [1]), категорически заявилъ, что принимаетъ эту задачу на себя и даже, если удастся,—самъ поѣдетъ со мною, а пока что проситъ меня пройти въ его домъ. Я отъ души поблагодарилъ Л. и прошелъ въ домъ, гдѣ меня также любезно встрѣтила его супруга.

Сидя въ саду за стаканомъ чая, имѣющаго такое же широкое распространеніе въ степяхъ Азіи, какъ и у насъ на Руси,—мы разговорились о тяжелыхъ условіяхъ жизни въ глухихъ медвѣжьихъ уголкахъ.

— Вы не можете представить,—говорила хозяйка,—какъ тяжела здѣшняя жизнь. Мы съ мужемъ сидимъ въ Іолотани уже четыре года и изстрадались до послѣдней степени. Одного ребенка потеряли уже, исключительно благодаря жарамъ и лихорадкѣ. А теперь и другая новорожденная дѣвочка мучится и таетъ съ каждымъ днемъ.

— Не плачь, душа моя: дастъ Богъ, поправится дѣвочка,—утѣшалъ мужъ.

---

[1]) Такъ называется мѣстность, гдѣ расположены главныя плотины оросительной системы Мургабскаго имѣнія.

— Но отчего же вы не вывезете ее отсюда? — спросилъ я.

— Невозможно, — со слезами отвѣтила хозяйка, — въ домѣ еще кое-какъ можно переносить жару. А на воздухѣ днемъ жжетъ немилосердно. Везти придется на Кавказъ по желѣзной дорогѣ. Дневныхъ переѣздовъ не избѣжишь. А днемъ въ вагонахъ просто дышать нечѣмъ. Вотъ такъ же мы повезли отсюда на Кавказъ нашу старшую дѣвочку. Отъ жары она сгорѣла въ два дня, и въ Баку я ее схоронила.

Около минуты продолжалась пауза. Ее прервалъ донесшійся откуда-то стонъ и слова, произнесенныя полусердитымъ, полуплачущимъ голосомъ:

— Господи, хоть бы сдохнуть поскорѣе!

— Это что такое? — спросилъ я.

— Няня отъ лихорадки мучится, — отвѣтила хозяйка, — просто бѣда! Не знаемъ, что и дѣлать. Она три дня уже не можетъ головы поднять отъ подушки и только и дѣлаетъ, что молитъ Бога о смерти. А тутъ еще поваръ заболѣлъ.

— И все лихорадка?

— Все лихорадка, и не простая, а здѣшняя — болотная: какъ привяжется, — не отстанетъ, пока не измучитъ человѣка до послѣдней степени. Мы такъ боимся ея, что ежедневно принимаемъ хину. И дѣтей начинаемъ пичкать ею чуть не съ самаго дня рожденія. Ужасное, убійственное мѣсто! Жду, не дождусь, когда мы наконецъ уѣдемъ отсюда.

— Ты, голубушка, всегда склонна къ преувеличенію, — прервалъ ее мужъ, — теперь здѣсь лихорадокъ уже мало, особенно сравнительно съ прежними годами, и болѣютъ ими лишь тѣ, кто не хочетъ и не умѣетъ беречься. Возьми хоть меня: сколько времени живу здѣсь и ни разу серьезно не болѣлъ. А все потому, что веду правильный образъ жизни и ежедневно принимаю 5 гранъ хины.

— Говори, говори, — возразила ему жена, — а самъ на что похожъ? Кожа да кости! И сейчасъ на тебѣ лица нѣтъ, да и съ утра еще жаловался на ознобъ...

— Правда, у меня былъ утромъ легкій ознобъ. Но это вовсе не мѣстная малярія. Да если бы это была и она, — я ей не поддамся. Знаю, какъ бороться съ нею, и главное не падаю духомъ, какъ ты. Да что! теперь не я одинъ, — теперь и населеніе уже не то, что было раньше: и оно научилось бороться съ этимъ мѣстнымъ бичемъ. — Вы не можете себѣ представить, — обратился онъ ко мнѣ, — что у насъ дѣлалось въ 1891 г., когда въ оазисѣ

разыгралась малярійная эпидемія, осложненная другими болѣзнями и зачастую оканчивавшаяся смертью, вслѣдствіе паралича сердца или же сильнѣйшаго малокровія. Населеніе тогда относилось еще крайне недовѣрчиво къ медицинской помощи и боялось врачей чуть-ли не больше, чѣмъ самой лихорадки. Намъ приходилось чуть не силой вручать хину, а потомъ, навѣщая больныхъ, я находилъ ихъ умиравшими на кошмахъ, подъ которыми лежали нетронутые хинные порошки.

— Неужели и теперь сохранилось это враждебное отношеніе къ медицинѣ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, теперь, слава Богу, далеко уже не то. Теперь уже салыры [1]) прекрасно знаютъ, что такое «горькіе порошки», и сами приходятъ просить ихъ въ случаѣ нужды.

— Какъ же вы этого достигли?

— Главнымъ образомъ тѣмъ, что привлекли къ раздачѣ хины, кромѣ врачебнаго персонала, аульныхъ старшинъ и ихъ помощниковъ.

— А большая была смертность въ 1891 году?—продолжалъ я.

— Ужасная,—отвѣтилъ Л.,—бо́льшая, чѣмъ въ холерный годъ. Представьте, что намъ тогда пришлось вычеркнуть изъ податныхъ списковъ 600 кибитокъ. А кибитка вычеркивается лишь тогда, когда въ ней не остается никого въ живыхъ, не только изъ мужскаго пола, но даже и изъ женскаго, за исключеніемъ только маленькихъ дѣвочекъ. Вдовы продолжаютъ платить подати, а малолѣтнимъ мальчикамъ назначаютъ опекуновъ, и ихъ кибитки остаются въ спискахъ.

— А теперь подобные случаи не повторяются?

— Нѣтъ, теперь ничего подобнаго нѣтъ.

— Отчего же произошла эта перемѣна?

— Теперь лучше оборудована система орошенія въ оазисѣ, и предотвращено образованіе гніющихъ болотъ, что́ такъ часто случалось раньше.

— Это все уже вами сдѣлано?

— Да, и моего тутъ капля меду есть, — скромно отозвался Л.

— Ну, ужь не скромничай, — перебила его жена, — не капля, а бо́льшая часть меду принадлежитъ тебѣ.

---

[1]) Туркмены-салыры населяютъ Іолотанское приставство Мервскаго уѣзда. Они мало отличаются отъ туркменъ-текинцевъ. Въ Пендинскомъ приставствѣ живутъ сарыки; въ Мервскомъ—текинцы.

— Разскажите пожалуйста, какъ вы это устроили, — попросилъ я.

— Право, тутъ не много интереснаго, — отвѣтилъ послѣ нѣкотораго колебанія приставъ, — но если вы такъ хотите, — извольте, разскажу.

— Видите ли, — продолжалъ онъ, — главная причина лихорадокъ, какъ вы сами знаете, заключается въ гніющей водѣ. Такой воды въ прежніе годы было очень много. Стоило ей гдѣ-нибудь прососать насыпь арыка (вамъ, вѣроятно, приходилось видѣть арыки съ насыпными стѣнками?), стоило только прососаться, и черезъ нѣсколько часовъ она уже неудержимо стремилась цѣлыми рѣками и заливала все вокругъ. Затѣмъ начиналось гніеніе ея и зараженіе воздуха міазмами. А тутъ кстати и почва наша — этотъ плодороднѣйшій лёсъ — самъ начинаетъ разлагаться... Какъ же при такихъ условіяхъ не быть маляріи? Для устраненія подобныхъ явленій нужно было прежде всего укрѣпить стѣнки арыковъ и особенно магистральнаго, какъ самаго главнаго, изъ котораго весь оазисъ получаетъ свою воду, при помощи второстепенныхъ канавъ. Задача оказалась довольно серьезной, и надъ ней пришлось провозиться немалое время. Для выполненія ея пришлось бы затратить тысячъ 70-ть, а мнѣ удалось обойтись всего лишь съ четырьмя тысячами. Но это лишь потому, что рабочая сила была у меня даровая, да и лѣсъ тоже я получалъ даромъ отъ строителя Гиндукуштской плотины. Правда, населеніе оазиса жаловалось тогда на тягость работы. Но теперь они сознали свою пользу: прежде въ половодье у магистрали «лежало» до 500 человѣкъ, слѣдившихъ за опасными мѣстами и чинившихъ образовывавшіеся прорывы; а теперь для этого требуется лишь нѣсколько караульныхъ. Главная же выгода отъ этихъ работъ, конечно, та, что лихорадки теперь значительно улеглись, а малярійныхъ эпидемій мы, кажется, можемъ совсѣмъ ужь не бояться...

— Но эта же вода, съ которой вы боретесь, какъ съ лютымъ врагомъ, даритъ васъ богатѣйшей растительностью, — сказалъ я.

— Да, это правда, — отвѣтилъ приставъ. — Мнѣ самому съ трудомъ вѣрится, что эти громадныя и толстыя деревья, которыхъ такъ много въ моемъ саду, посажены не далѣе, какъ 7—8 лѣтъ тому назадъ. Вѣдь вы, навѣрное, дали бы имъ больше?

— О, конечно! Въ Россіи дереву нужно лѣтъ двадцать, чтобы достигнуть подобныхъ размѣровъ.

*

— У меня садъ разбитъ на 10 десятинахъ, — продолжалъ приставъ, — на этомъ пространствѣ можно развести все, что угодно. Значительную часть его я, впрочемъ, отдѣлилъ подъ огороды 8-го Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, для котораго недалеко отъ моего дома выстроили недавно прекрасныя казармы.

— Онъ и теперь стоитъ здѣсь? — спросилъ я.

— Нѣтъ, его вывели въ Мервъ, а казармы оставили пустыми.

— Это почему же?

— Виной все тѣ же лихорадки. Когда строили казармы, — ихъ не приняли въ разсчетъ, или, лучше сказать, большинство голосовъ высказалось за то, что въ Іолотани маляріи нечего бояться. А когда перевели сюда баталіонъ, — сразу получился большой процентъ заболѣваемости и смертности, и его поспѣшили увести обратно. Съ тѣхъ поръ казармы и стоятъ пустыми, хотя онѣ обошлись казнѣ около 75 тысячъ... Впрочемъ, по моему мнѣнію, выводить баталіонъ было излишне: давали бы солдатамъ каждый день утромъ, во время гимнастики, гранъ по пять хины и, навѣрное, все обошлось бы прекрасно...

III.

Султанбендъ.

Оросительная система Стараго Мерва и ея исторія. — Разореніе Султанбенда бухарцами. — Попытка возстановить Султанбендъ и ея неудача. — Причина неудачи и недостатки работъ по возстановленію плотины.

Долго еще занимала насъ лихорадка, этотъ мѣстный бичъ, пока я, видя, что становится уже поздно, не перевелъ разговора на не менѣе интересный для меня вопросъ — о плотинахъ. Любезный хозяинъ отозвался, что онъ довольно хорошо знакомъ съ этимъ дѣломъ, такъ какъ внимательно слѣдилъ за постройкой оросительной системы.

— Когда задались цѣлью возстановить Султанбендскую плотину, — говорилъ онъ, — то работы эти были поручены инженеру К. П. Въ немъ нельзя, конечно, отрицать таланта, но онъ, несомнѣнно, выказалъ себя мечтателемъ и вмѣсто пользы принесъ вредъ...

— Извините меня, — прервалъ тутъ я своего хозяина, — не можете ли вы сказать предварительно, что это за Султанбендская

плотина и кто её построилъ? Такъ много приходится слышать о ней, а исторіи ея нигдѣ, кажется, не найдешь.

— Точную исторію ея установить трудно,—отвѣтилъ приставъ;—сооружена она, несомнѣнно, въ давно прошедшія времена и немало перевидала на своемъ вѣку. Не разъ её разоряли время и вода Мургаба, а иногда прикладывалъ къ этому руку и воинствующій человѣкъ. Разорить плотину значило вѣдь лишить Старый Мервъ воды и довести его до послѣдней степени обѣднѣнія... Вы были уже въ Байрамъ-Али, на развалинахъ Стараго Мерва?

— Нѣтъ еще, но непремѣнно побываю.

— Побывайте, стоитъ того. Увидите, насколько богатъ и великъ былъ этотъ городъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдитесь, что онъ могъ существовать лишь при существованіи Султанбендской плотины, которая перегораживала Мургабъ и, при помощи Султанъяба (такъ назывался главный каналъ), отводила воду къ Мерву. Понятно, поэтому, что исторія плотины была исторіей города, и мервцы прилагали всѣ усилія, чтобы поддерживать ее въ должномъ порядкѣ. Тысячи рабочихъ наблюдали за ея исправностью, а въ XVIII вѣкѣ около нея была устроена крѣпость, снабженная сильнымъ гарнизономъ, на случай посягательствъ на ея цѣлость. Шедшій отъ нея Султанъ-ябъ [1]) раздѣлялся на половинѣ пути на болѣе мелкія канавы, которыя шли уже до самаго Мерва. Недалеко отъ города существовалъ водомѣръ, и особые надзиратели завѣдывали распредѣленіемъ воды.

— Но почему же плотина называлась Султанбендомъ?

— «Бендъ» значитъ плотина, а слово «Султанъ» добавлено, какъ думаютъ, потому, что жившій въ XII вѣкѣ знаменитый султанъ Санджаръ, посвятившій чуть не всю свою жизнь на устройство Мерва, усовершенствовалъ и исправилъ плотину, сложивъ её изъ камней, связанныхъ гидравлической известью.

— Когда же она перестала существовать?

— Точно время я установить не могу,—отвѣтилъ приставъ,—однако, могу сказать, что это событіе произошло около 1785 года, т. е. около ста лѣтъ тому назадъ. Разорилъ её бухарскій эмиръ Шахъ-Мурадъ-бій, одинъ изъ послѣднихъ и самыхъ злѣйшихъ враговъ Мерва. Онъ нѣсколько разъ подступалъ къ этому городу, чтобы подчинить его себѣ, но крѣпкія стѣны не поддавались его

[1]) Каналъ этотъ можно видѣть и теперь. По дну его даже идетъ почтовая дорога къ станціи Султанбендъ (первая за Іолотанью). Это было грандіознѣйшее сооруженіе съ громадными насыпями по обѣимъ сторонамъ.

усиліямъ. Разоривъ окрестности Мерва, Шахъ-Мурадъ возвращался уже въ Бухару, какъ къ нему неожиданно прискакалъ гонецъ отъ правителя крѣпости, оберегавшей плотину, съ предложеніемъ сдать её эмиру. Правитель задумалъ измѣну, потому, что былъ разгнѣванъ на тогдашняго владѣтеля Мерва, Мегеметъ-Гуссейнъ-Хана, изъ-за женщины. Въ Мервѣ проживала въ тѣ дни женщина замѣчательной красоты, въ которую правитель крѣпости былъ влюбленъ. Онъ пригласилъ её въ свой замокъ и сталъ устраивать для нея пиры и празднества. Объ этомъ прослышалъ мервскій владѣтель и послалъ полицейскихъ агентовъ съ приказаніемъ увести оттуда, во что бы то ни стало, красавицу. Тѣ доставили красавицу въ Мервъ, и при этомъ обошлись крайне грубо съ ея покровителемъ. Покровитель, пылая жаждой мести, послалъ къ Шахъ-Мураду письмо съ предложеніемъ сдать крѣпость. Конечно, эмиръ съ радостью принялъ это предложеніе и съ 4.000 молодыхъ и быстрыхъ всадниковъ, на четвертый день пути, прибылъ къ крѣпости. Правитель сдалъ ее, и эмиръ приказалъ прежде всего уничтожить плотину, а затѣмъ срылъ и крѣпость, уведя населеніе ея въ Бухару. Мервъ, лишенный воды, также долженъ былъ сдаться и сильно пострадалъ. Плотину пытались возстановить потомъ владѣтели Мерва, но задача была не подъ силу; населеніе города мало-по-малу покинуло его, и богатый оазисъ превратился въ безплодную пустыню...

— Но теперь же вода тамъ будетъ вновь и старая культура должна возродиться?

— Едва-ли она возродится въ прежнемъ блескѣ, во всякомъ случаѣ, жизнь должна опять появиться на старомъ пепелищѣ.

— Если не удалась первая попытка возстановить плотину, то теперь посчастливилось другому инженеру устроить полную оросительную систему и довести воду до Государева имѣнія.

— Отчего же не удалось К. П. возстановить Султанбендъ и почему вы назвали его мечтателемъ?

— Я назвалъ его мечтателемъ, потому что слишкомъ ужь пріувеличены были его разсчеты. Я долженъ вдаться въ нѣкоторыя подробности относительно того, какъ строятъ плотины. Воздвигаютъ ихъ, какъ вамъ извѣстно, на сухомъ пути, а потомъ уже поворачиваютъ къ нимъ рѣку. Тамъ, гдѣ предположено устроить плотину, вырываютъ продолговатый каналъ — будущее русло рѣки, — или такъ называемый *котлованъ*. Затѣмъ перегораживаютъ этотъ послѣдній одною или нѣсколькими плотинами (въ зависимости отъ плана),

а когда онѣ готовы,—засыпаютъ старое русло рѣки и заставляютъ воду течь въ котлованъ, къ плотинамъ.

— Конечно, такъ же поступилъ и К. П. Въ котлованѣ онъ устроилъ три плотины, изъ которыхъ верхняя, главная, служила для подъема воды въ Мургабъ, а двѣ нижнія, поменьше, должны были умѣрять бѣгъ и силу паденія воды, пропущенной черезъ главную плотину. Кромѣ этихъ трехъ плотинъ устроена была у входа въ оросительный каналъ, долженствовавшій вести воду въ Байрамъ-Али, четвертая—такъ называемое *головное заграждение*.

Когда всѣ сооруженія были готовы, русло Мургаба перегородили насыпью и заставили его направиться въ котлованъ, черезъ плотины. Сначала все шло прекрасно, но скоро стали замѣчать, что самая нижняя плотина не выдерживаетъ напора воды, а на третій день она и совсѣмъ рухнула. Та же опасность стала грозить второй плотинѣ, такъ какъ вода, не ослабляемая въ своемъ паденіи третьей плотиной, начала сильно размывать дно. Почуявъ бѣду, бросились отводить Мурабъ въ старое русло, но онъ не дождался и вырылъ себѣ новое ложе, куда и устремился съ страшной силой, такъ какъ воды поднято было за главной плотиной цѣлое озеро, и устроилъ ужасное наводненіе въ Мервѣ и въ его окрестностяхъ. Масса глинобитныхъ и сырцовыхъ домовъ буквально растаяла въ образовавшемся озерѣ. Сильно пострадала и желѣзная дорога, затонувшая чуть не на двадцать верстъ...

— Воображаю положеніе К. П.

— Да,—отозвался приставъ, — вѣдь это случилось черезъ три дня послѣ освященія законченныхъ работъ. И въ довершеніе, къ тѣмъ днямъ приглашены были изъ-за границы два спеціалиста-гидротехника, французъ Готаръ и англичанинъ сэръ Скотъ Монкрифъ. Они осмотрѣли работы на Султанбендѣ и, кажется, хотѣли уже выразить свое одобреніе инженеру, но пожелали сначала проѣхать въ имѣніе и дождаться тамъ появленія воды. А тутъ какъ разъ случилось это несчастье. Конечно, они раскритиковали всю работу и указали на рядъ ея недостатковъ.

— А новый проектъ устранилъ эти ошибки?

— Кажется.—Вотъ поѣдете, увидите работы и тогда судите сами...

IV.

По плотинамъ.

Выѣздъ на Гиндукуштъ.—Культура и воровство.—Змѣи.—Главная плотина и ея устройство.—Гиндукуштъ.—Первая плотина и начало оросительнаго канала.—Становище рабочихъ.

На другой день меня разбудили въ половинѣ седьмаго.

На столѣ кипѣлъ уже самоваръ, а около крыльца слышалось фырканье лошадей.

— Приставъ прислалъ для васъ лошадь и чапара и велѣлъ сказать, что не можетъ самъ ѣхать съ вами,—заявилъ староста, разбудившій меня,—дѣла его задерживаютъ: нужно ѣхать въ какой-то аулъ. Да вотъ еще прислалъ письмо, чтобы вы передали его на Гиндукуштъ. Тамъ вамъ все покажутъ.

Я быстро умылся, напился чаю, затѣмъ вскочилъ въ сѣдло и, въ сопровожденіи джигита, порядочно говорившаго по-русски, выѣхалъ изъ Іолотани.

Путь нашъ пролегалъ по мало интересной мѣстности: кругомъ тянулись пустынныя степи, еще не тронутыя никѣмъ.

Проѣхавъ рысью около получаса и видя впереди все ту же безконечную голую степь, я спросилъ джигита, скоро ли будетъ Гиндукуштъ?

— Теперь ужь близко,—отвѣтилъ онъ,—скоро будетъ плотина на Мургабѣ.

— А ихъ сколько всѣхъ?

— Четыре,—былъ отвѣтъ.

— И всѣ одна близъ другой?

— Никакъ нѣтъ. Двѣ первыя близко одна къ другой, а тѣ далеко отсюда.

— Но какъ же это такъ?—продолжалъ я,—Мургабъ такъ близко, а вотъ тутъ пустыня кругомъ, все голо и безжизненно?

— Воды нѣтъ,—флагматически отозвался джигитъ,—еслибъ воду провести, все здѣсь было бы. А теперь только верблюды пасутся. Вонъ видите, большое стадо пасется.

Дѣйствительно, впереди виднѣлось большое стадо «кораблей пустыни», столь же обычныхъ, какъ и лошадь, въ Закаспійской области. Паслись они безъ всякаго призора. Мы скоро поравнялись съ ними, при чемъ лошади наши не обратили на нихъ никакого вниманія.

— Почему же при нихъ нѣтъ пастуха?,—спросилъ я,—развѣ у васъ не бываетъ кражъ?

— Бываютъ, но рѣдко,—отозвался джигитъ,—раньше совсѣмъ не было. Можно было все оставить на дорогѣ, — никто не тронулъ бы. А какъ русскіе пришли, стало хуже: стали воровать.

Я невольно замолчалъ предъ такимъ тяжелымъ, но, къ сожалѣнію, справедливымъ обвиненіемъ и обратилъ вниманіе своего спутника на молодаго верблюда, который отдѣлился отъ стада и, какъ сумасшедшій, вертѣлся на одномъ мѣстѣ, стараясь поднести ко рту одну изъ заднихъ ногъ.

— Что такое съ нимъ?—спросилъ я.

— Должно, змѣя укусила,—отвѣтилъ джигитъ.

— А у васъ много змѣй? Есть и ядовитыя?

— Не очень много, но есть такія, что какъ укуситъ, такъ и вылѣчиться нельзя.

— А смертельные случаи бываютъ?

— Бываютъ. Только здѣсь всѣ знаютъ, что какъ укуситъ змѣя, сейчасъ надо то мѣсто вырѣзать. Недавно одинъ салыръ спалъ на берегу арыка, и ядовитая змѣя укусила его въ шею. Онъ тутъ же вырѣзалъ ножемъ укушенное мѣсто, съ ладонь величиной. А то вѣрно умеръ бы. А еще разъ одинъ русскій былъ на охотѣ и встрѣтился съ какой-то змѣей. Она за что-то разсердилась на него и погналась за нимъ—насилу убѣжалъ. Говоритъ, что такъ перепугался, какъ никогда въ жизни...

Въ это время впереди послышался шумъ падающей воды.

— Это первая плотина,—сказалъ джигитъ.

Я подогналъ лошадь и черезъ минуту подъѣхалъ къ берегу рѣки.

Направо простиралось огромное водное пространство—цѣлое озеро, прегражденное прямо передо мною плотиной, черезъ верхнее сооруженіе которой вода съ шумомъ сбѣгала по уступамъ въ неширокое русло, на которомъ немного пониже былъ устроенъ паромъ.

— Слѣзай, бояръ,—сказалъ джигитъ,—я коня поведу на перевозъ.

Я отдалъ ему лошадь, а самъ пошелъ къ плотинѣ, а, подошедши къ ней, не могъ скрыть своего удивленія.

Это было красивое сооруженіе, представлявшее удивительно рѣзкій контрастъ съ охватившей его со всѣхъ сторонъ голой пустыней. Красиво оно настолько, что могло бы составить украшеніе любой изъ европейскихъ столицъ.

Надъ водой возвышалось легкое верхнее сооруженіе плотины,

все состоявшее изъ желѣза. Это былъ рядъ желѣзныхъ устоевъ, имѣвшихъ форму покоя, поставленнаго по направленію теченія рѣки. Расходившіяся книзу ноги устоевъ уходили въ воду и тамъ были укрѣплены въ нижнемъ каменномъ строеніи плотины или въ упорѣ ея. А на верхнихъ горизонтальныхъ перекладинахъ, высившихся сажени на три надъ уровнемъ рѣки, была устроена деревянная настилка, шириной около аршина, ведшая отъ одного берега къ другому. Между устоями образовалось около десятка пролетовъ, черезъ которые съ шумомъ бѣжала вода, скатывавшаяся внизъ по тремъ каменнымъ уступамъ, ослаблявшимъ паденіе воды на дно.

И получалось три непрерывныхъ наклонныхъ каскада, пѣнившихъ и бурлившихъ, и посылавшихъ вверхъ облака мелкой и прозрачной пыли, игравшей на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги...

Оба берега рѣки были забраны каменными набережными, спускавшимися внизъ изящными террасами, соединенными между собой красивыми каменными же лѣстницами. Эта каменная кладка не уступала по своему изяществу верхнему желѣзному строенію и давала понять даже непосвященному глазу, насколько капитально и устойчиво все это сооруженіе.

Не безъ нѣкотораго колебанія взошелъ я на помостъ, снабженный лишь съ одной стороны легкими желѣзными перилами. Сажени на три внизу шумѣлъ и пѣнился Мургабъ...

Впрочемъ, непріятное чувство скоро прошло, и я, стоя надъ серединою рѣки, всматривался въ детали плотины, не безъ гордости сознавая, что это дѣтище цивилизаціи принесено въ край нами, русскими, и что оно, наравнѣ съ желѣзной дорогой, даетъ туземцамъ лучшее понятіе о превосходствѣ нашей культуры...

Тутъ же ко мнѣ подошелъ русскій мужичекъ, оказавшійся сторожемъ при плотинѣ.

Я разговорился съ нимъ.

— Теперь вода низко стоитъ,—сказалъ онъ мнѣ между прочимъ,—ее можно поднять гораздо выше—до самаго помоста, на которомъ вы стоите.

— Какъ же это дѣлается?

— Вотъ здѣсь, между желѣзными фермами, опускаются желѣзные щиты, на цѣпяхъ. Сначала нижній рядъ, потомъ слѣдующій... Съ каждымъ рядомъ вода поднимается все выше въ этой запрудѣ. Теперь опущенъ одинъ рядъ щитовъ. Если поднять ихъ, то черезъ плотину пойдетъ гораздо болѣе воды, чѣмъ теперь.

— А гдѣ же начало оросительнаго канала?

— Не далеко отсюда. Вотъ переправятъ лошадей, такъ быстро доѣдете туда.

— А что какъ у васъ лихорадка?—поинтересовался я,—очень мучаетъ?

— Мучаетъ, ничего съ нею не подѣлаешь. Я каждый день принимаю хину; а когда позабудешь, не примешь,—сейчасъ она и приходитъ. Совсѣмъ измучила.

— А скажи, гдѣ теперь находится подрядчикъ по земляньмъ работамъ?

— Должно, на «данбахъ». Тамъ ниже «данбы» дѣлаютъ, а уже всѣ работы кончены.

— А гдѣ инженеры жили, когда строили эту плотину?

— Не далеко отсюда нѣсколько домиковъ есть,—Гиндукуштъ называется. Тамъ и жили они.

Я простоялъ еще нѣсколько минутъ на помостѣ, любуясь переливами свѣта водяной пыли и слѣдя за рыбой, выскакивавшей изъ каскадовъ и бросавшейся въ перепугѣ не по теченію, въ Мургабъ, а назадъ, на устои плотины.

Но вотъ переправили лошадей, и я велѣлъ джигиту ѣхать на Гиндукуштъ, гдѣ жили инженеры во время работъ.

Какими жалкими казались эти нѣсколько мизерныхъ домиковъ, безъ всякихъ признаковъ растительности кругомъ, въ сравненіи съ только-что оставленною мною плотиной.

Собака съ лаемъ бросилась къ намъ навстрѣчу, а на лай ея вышелъ мужичекъ, то же, очевидно, сторожъ, заявившій на мой вопросъ, что подрядчика тутъ нѣтъ, и онъ долженъ быть на «данбахъ».

— Ну, поѣзжай теперь къ плотинѣ, которая у начала оросительнаго канала,—сказалъ я джигиту.

Плотина эта оказалась, дѣйствительно, очень не далеко отъ главной. И она была той же капитальной работы, только значительно меньшихъ размѣровъ и не отличалась легкостью и изяществомъ главной плотины. Тутъ былъ одинъ лишь пролетъ, закрывавшійся также щитами, но не легкими, желѣзными, какъ тамъ, а тяжелыми и толстыми, сбитыми изъ деревянныхъ досокъ. Массивность ихъ подчеркивалась уже однимъ тѣмъ фактомъ, что они спускались внизъ не на рукахъ, а при помощи ворота, который былъ устроенъ надъ плотиной.

Навстрѣчу мнѣ вышелъ сторожъ, палатка котораго стояла около самой плотины.

— Это начало канала, идущаго въ Байрамъ-Али?—спросилъ я его.

— Такъ точно,—отвѣтилъ онъ,—здѣсь, въ запрудѣ, собирается вода. А когда нужно, мы ее пускаемъ въ этотъ каналъ, сколько потребуется.

«Запруда» была то самое озеро, которое я видѣлъ сзади главной плотины. Каналъ же, начинавшійся у «головнаго загражденія», на которомъ я теперь находился, уходилъ влѣво прямой линіей межь двухъ отвѣсныхъ земляныхъ стѣнъ, отстоявшихъ сажени на двѣ другъ отъ друга и высоко поднимавшихся надъ уровнемъ воды. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны изъ отвѣсныхъ превратились въ наклонныя и дали большія осыпи.

— Этотъ каналъ, сообщилъ мнѣ сторожъ, водой прорывали. Сначала маленькую канавку сдѣлали и пустили въ неё воду. А она вотъ и промыла этакую ширину!..

— Да видно и теперь продолжаетъ промывать?

— Теперь ужь не такъ, какъ раньше. А все-таки нѣтъ, нѣтъ, да и осыпется земля гдѣ-нибудь. Намедни чуть было двухъ рабочихъ не задавило...

— А гдѣ другія плотины?—спросилъ я.

— Вы главную, большую ужь видѣли?

— Да, видѣлъ.

— Такъ еще двѣ осталось, кромѣ этой. Обѣ онѣ по этому каналу расположены. Эту плотину *первой* зовутъ; потомъ будетъ *вторая*—верстъ на 7 пониже, а потомъ еще верстъ черезъ 7—*третья*. А отъ третьей ужь каналъ пойдетъ до самаго имѣнія верстъ на 35-ть.

— Верхомъ вездѣ проѣхать можно?

— Верхомъ вездѣ хорошо. Можно даже въ телѣжкѣ,—только дорога плохая, тряская. А все ѣздятъ изъ имѣнія.

Я поѣхалъ.

И снова потянулись неприглядныя картины обычной въ Закаспійской области голой и безлюдной степи. Только кое-гдѣ однообразіе ея нарушалось песчаными буграми, да временами попадались наѣзженныя дороги, покрытыя толстымъ слоемъ мельчайшей лесовой пыли, которую встрѣчный вѣтеръ гналъ намъ прямо въ лицо.

Черезъ полчаса быстрой ѣзды начали попадаться отдѣльные пѣшеходы-туземцы, смѣняемые временами другими халатниками, двигавшимися на двухколесныхъ арбахъ-тачкахъ объ одну лошадь. А еще подальше встрѣтилось нѣсколько жалкихъ земля-

нокъ съ двумя-тремя хворостяными шалашами близъ нихъ. Въ этихъ послѣднихъ видимо продавались кое-какіе предметы первой необходимости, вродѣ хлѣба, арбузовъ, дынь, сахару и чаю.

— Зачѣмъ здѣсь эти землянки?—спросилъ я джигита.

— Тутъ поблизости работы идутъ, дамбу оканчиваютъ,— отвѣтилъ онъ,—въ землянкахъ рабочіе живутъ.

— Такъ, можетъ, подрядчикъ здѣсь теперь? Поѣзжай и спроси.

Джигитъ подъѣхалъ къ одному изъ шалашей и вступилъ въ разговоръ съ важно сидѣвшимъ въ немъ и смотрѣвшимъ на меня туземцемъ. Вернувшись же, сказалъ, что нужно еще дальше ѣхать — туда, гдѣ дѣлаютъ новую дамбу.

Черезъ $^1/_4$ часа мы были около этой послѣдней.

Здѣсь было уже значительно больше землянокъ и шалашей, и въ послѣднихъ продавались болѣе разнообразные продукты. По всѣмъ направленіямъ, среди духоты и пыли, двигались людскія фигуры то въ туземныхъ, то въ русскихъ костюмахъ.

Чрезъ какого-то туземца съ обычной у туркменъ коротенькой и жидкой бороденкой, мы узнали, что подрядчикъ находится въ одной изъ землянокъ. И дѣйствительно, у входа въ эту послѣднюю я увидалъ господина небольшаго роста съ интеллигентной физіономіей и французской бородкой, одѣтаго въ чисучевый пиджакъ, съ панталонами, забранными въ высокіе сапоги, и съ англійской шляпой-котелкомъ на головѣ.

Это и былъ подрядчикъ N, къ которому я имѣлъ письмо отъ пристава.

V.

Гиндукуштская система.

Значеніе всѣхъ плотинъ и водохранилищъ.—Работы на дамбахъ.—Составъ рабочихъ и лѣнь текинцевъ.—Инженеръ А.—Жатва лихорадки.—Вторая плотина.—Въ становищѣ рабочихъ.—„Палаццо“ подрядчика —Возвращеніе въ Іолотань.

— Скажите, какія теперь идутъ у васъ работы?—спросилъ я новаго своего проводника, когда мы поѣхали рядомъ и я сообщилъ ему о желаніи своемъ посмотрѣть, что уже сдѣлано по устройству плотинъ и что еще осталось сдѣлать.

— Теперь работы уже не сложныя,—отвѣтилъ N,—однѣ лишь земляныя остались. Всѣ важныя уже закончены, и оросительная система готова на всемъ протяженіи.

— Не откажите объяснить, хотя бы вкратцѣ, какія важнѣйшія части этой оросительной системы. Я видѣлъ двѣ плотины — на Мургабѣ и у входа въ каналъ. Еще, говорятъ, есть двѣ.

— Есть,—отвѣтилъ N.— Это такъ-называемыя «вторая» и «третья» плотина. Собранный главной плотиной запасъ воды идетъ уже черезъ всю оросительную систему и черезъ остальныя плотины въ Байрамъ-Али. Первая, которую вы только-что видѣли, впускаетъ нужное количество воды въ каналъ. Этотъ первый каналъ не великъ. Онъ ведетъ воду изъ запруды въ большую котловину, образовавшуюся изъ старыхъ разливовъ Мургаба и называемую «первымъ тугаемъ». Изъ этого тугая новый каналъ ведетъ во вторую такую же котловину или во «второй тугай», въ нижнемъ концѣ котораго стоитъ «вторая плотина», совершенно тождественная по устройству съ первой, какъ вы сами убѣдитесь въ этомъ. Эта плотина регулируетъ пропускъ воды въ лежащій ниже «Гиндукуштскій оврагъ», составляющій русло одного изъ каналовъ, ведшихъ воду отъ Султанбенда въ древній Мервъ. Оврагъ, въ свою очередь, запирается «третьей плотиной»,—такой же, какъ и первыя двѣ. Назначеніе этой послѣдней плотины—пропускать воду въ такъ называемый магистральный каналъ, который непрерывно уже ведетъ воду въ Байрамъ-Али, въ Государево имѣніе. Длина этого канала около 35 верстъ.

— Мнѣ кажется,—сказалъ я,—что безъ двухъ нижнихъ, т. е. «второй» и «третьей», можно бы свободно обойтись, оставивъ лишь одну «первую»?

— Каждая плотина собираетъ за собой запасъ воды. Чѣмъ больше ихъ, тѣмъ больше самыхъ водохранилищъ, и тѣмъ выше уровень воды въ нижнихъ частяхъ системы. То же самое съ тугаями и оврагами. Въ нихъ собирается и задерживается ненужная въ настоящую минуту вода, которой особенно много бываетъ въ весеннее половодье, а также между ноябремъ и мартомъ, когда у туземцевъ прекращаются работы и поля не нуждаются въ поливкѣ. Тогда большую часть воды Мургаба пускаютъ въ тугаи и оврагъ.

— Дамбы отгораживаютъ тугаи со стороны Мургаба. Представьте, что изъ какого-нибудь тугая вода найдетъ себѣ проходъ въ рѣку,—тогда, конечно, и помину не останется отъ всѣхъ этихъ работъ—все пропадетъ. Вотъ эта-то опасность и устраняется дамбами. А теперь посмотрите сюда, направо. Тутъ передъ вами всѣ работы по устройству дамбъ.

Я повернулъ лошадь вправо и черезъ минуту очутился около

длинной и высокой насыпи, на которой, на подобіе муравьевъ, кишѣло нѣсколько сотъ рабочихъ. Кто везъ землю на двухколесной арбѣ, кто насыпалъ ее на верхнюю площадь дамбы, кто утрамбовывалъ. Вдали работалъ насосъ, поливавшій насыпь обильной струей воды.

Шумъ и гамъ стояли въ воздухѣ, а пыль и песокъ, вздымаемые вѣтромъ, окутывали туманомъ всю мѣстность и слѣпили глаза.

— Изъ кого, главнымъ образомъ, состоитъ контингентъ вашихъ рабочихъ?—спросилъ я своего спутника.

— Преимущественно изъ туземцевъ,—отвѣтилъ тотъ:—изъ текинцевъ, бухарскихъ сартовъ или кульджинскикъ таранчинцевъ.

— А русскіе есть?

— Есть и русскіе, но ихъ мало, и они большею частью исполняютъ обязанности присмотрщиковъ и десятниковъ.

— А какъ работаютъ туземцы?

— Сарты и таранчинцы хорошо, особенно послѣдніе. Текинцы же страшно лѣнивы: чуть вы отвернулись отъ нихъ, — они бросаютъ лопату и складываютъ руки. Да и нанимаются они неохотно: если имѣютъ чѣмъ прожить сегодняшній день, ни за что не пойдутъ работать. Да вотъ вамъ примѣръ.—Не далѣе, какъ вчера, ѣду я изъ Іолотани и встрѣчаю на дорогѣ текинца, двигающагося куда-то на арбѣ. «Ты куда?» — спрашиваю.—«Въ Іолотань».—«Зачѣмъ?»—«Назу купить».—Это, видители, такая жвачка у нихъ, безъ которой они будто бы дня не могутъ прожить.—«Дуракъ ты»,—говорю ему,—«поѣзжай ко мнѣ на работу: 1 р. 20 коп. дамъ въ день, да и за назомъ пошлю завтра въ Іолотань». Согласился, повернулъ за мною. Но только часа черезъ три опять встрѣчаю его—ѣдетъ опять куда-то на своей арбѣ. «Ты куда?»—«Въ Іолотань, назу купить».—«Да вѣдь ты же согласился работать. Я же тебѣ хорошія деньги даю».—«Нѣтъ»,—говоритъ,—«не хочу—поѣду назъ покупать».

— Такъ и уѣхалъ?—спросилъ я, смѣясь.

— Такъ и уѣхалъ. И назу-то ему надо было на 2 коп. купить, а тутъ отказался отъ хорошаго заработка. Что подѣлаешь! Потребностей на грошъ и цѣны деньгамъ еще не знаютъ.

— Ужасные лѣнтяи, — продолжалъ онъ, послѣ нѣкоторой паузы,—а тутъ еще, какъ на грѣхъ, казенныя работы кое-гдѣ идутъ. Тамъ, правда, меньше платятъ, но зато не такъ строго слѣдятъ за работой. Вотъ эти господа поработаютъ у меня день-два, да и уѣзжаютъ на казенную работу, а затѣмъ черезъ корот-

кое время вновь нанимаются ко мнѣ... Очень здѣсь трудно на этотъ счетъ. А работы-то срочныя.

Тутъ я сдѣлалъ было попытку взобраться на верхъ насыпи, но тамъ стояла такая пыль, что я поспѣшилъ вернуться внизъ.

— Не нравится?—сказалъ N,—догоняя меня,— а намъ такъ приходится зачастую цѣлые дни проводить среди такой пыли! Да это еще съ полъ-горя! Гораздо хуже, какъ лихорадка начнетъ донимать, а спрятаться-то можно только въ сырую, скверную землянку, въ которой лихорадка еще хуже треплетъ.

— Да, условія жизни далеко не изъ райскихъ. Но вѣдь при такихъ условіяхъ жили здѣсь и инженеры, когда строили плотины?

— Да, почти при такихъ же,—отвѣтилъ N, – строитель Гиндукуштской системы, инженеръ, жестоко здѣсь заболѣлъ. Онъ провозился тутъ около четырехъ лѣтъ.

— Отчего же такъ долго?

— Цѣлый годъ онъ посвятилъ на одни лишь изысканія и только къ лѣту 1892 года могъ представить планы проектированныхъ имъ 5 водохранилищъ. Департаментъ удѣловъ избралъ изъ нихъ Гиндукуштское. Къ работамъ онъ приступилъ весною 1893 года и употребилъ на нихъ два года. Къ веснѣ нынѣшняго года всѣ работы уже были закончены и въ ночь на 23 апрѣля, т. е. подъ тезоименитство Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, вода дошла по магистралу до имѣнія. Такимъ образомъ и получается 4-хъ-годичное пребываніе въ этихъ ужасныхъ мѣстахъ. За это время можно заболѣть. Лихорадка здѣсь не щадила никого. Люди въ два, три дня обращались въ скелеты и умирали отъ истощенія силъ или отъ паралича сердца. Ужасная была жатва смерти! Около Іолотани образовалось цѣлое кладбище изъ однихъ лишь христіанъ. А сколько погибло туземцевъ-мусульманъ—и счету нѣтъ!..

Подъ этотъ грустный разговоръ мы далеко отъѣхали отъ дамбы и двигались голой степью. Солнце начинало печь немилосердно, но такъ какъ мы находились уже сравнительно недалеко отъ второй плотины, то и не отказались отъ намѣренія посѣтить ее, хотя, по завѣренію N, ничего любопытнаго тамъ и не было: точное воспроизведеніе первой плотины.

И, дѣйствительно, добравшись до цѣли, я увидалъ точно такую же *щитовую* плотину съ воротомъ наверху. Направо отъ нея простиралось большое водное пространство—второй тугай, а налѣво шелъ каналъ, проводившій воду въ Гиндукуштскій оврагъ.

Около плотины оказался небольшой домикъ, въ которомъ жили инженеры во время постройки плотины. Теперь же его занимаетъ сторожъ, который, завидѣвъ насъ, вышелъ навстрѣчу и пригласилъ къ себѣ отдохнуть и закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Но мы отказались отъ закуски и, выпивъ по стакану отварной воды и отдохнувъ минутъ 10, пустились въ обратный путь, подъ палящими лучами солнца, поднимавшими температуру до 50 град. по Реомюру!..

Закаспійская область—одно изъ наиболѣе жаркихъ мѣстъ на земномъ шарѣ. Лѣтомъ температура достигаетъ тамъ до 55—60 град. Р. [1]), а бываютъ дни, когда листва на деревьяхъ, обожженная какъ-бы пламенемъ, свертывается и пропадаетъ. Въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находится столица области—Асхабадъ.

Несмотря на жару, мы понеслись вскачь и черезъ полчаса уже подъѣхали къ главному становищу рабочихъ, гдѣ жилъ и самъ N. Онъ любезно пригласилъ меня зайти въ его «хоромы» выпить стаканъ лимонаду.

Въ это же время ударилъ полуденный колоколъ, и рабочіе повалили съ дамбы на двухъ-часовой отдыхъ.

Скоро все становище закипѣло народомъ. Кто шелъ къ продавцамъ разной снѣди и бралъ у нихъ на нѣсколько копѣекъ лапши или шашлыку, кто направлялся къ канавамъ и, припавъ губами, втягивалъ съ жадностью грязную и мутную влагу, не обращая вниманія на плещущихся тутъ же лошадей и эшаковъ и плывущіе мимо отбросы.

— Удивительно нечистоплотный и нетребовательный народъ!—сказалъ я.

— Да, въ этомъ отношеніи трудно за ними угнаться,—отвѣтилъ N.,—обыкновенная пища туркмена—кусокъ чурека и чашка грязной воды. Лѣтомъ они прибавляютъ дыню, а здѣсь, на работахъ, иные гастрономы балуютъ себя иногда лапшей и шашлыкомъ. Но одно изъ любимыхъ ими кушаній—это мясо издохшаго верблюда. Однако, пойдемте ко мнѣ.

Мы поднялись на бугорокъ, возвышавшійся надъ остальнымъ становищемъ. Онъ жилъ въ землянкѣ безъ оконъ и дверей, съ неровными стѣнами, по которымъ ползли мокрицы и кое-гдѣ блистали пятна сырости, съ земляной же крышей, подпертой неровными балками, и такимъ же поломъ. Въ глубинѣ стоялъ

[1]) Зимой, въ декабрѣ и январѣ, жара доходитъ иногда до 30—35° Р.

небольшой столъ, и около него два-три вѣнскихъ стула. Воздухъ былъ пропитанъ затхлостью и сыростью.

— Это моя контора,—сказалъ N, приглашая меня сѣсть и убирая со стола двѣ-три книги и счеты,—здѣсь я отдыхаю отъ жары, здѣсь же произвожу разсчеты съ рабочими.

— Но вы, конечно, не спите здѣсь?—спросилъ я,—вѣдь тутъ такъ сыро, что въ нѣсколько дней можно схватить жесточайшій ревматизмъ.

— Конечно, нѣтъ. Я сплю въ этомъ проходѣ, передъ землянкой. Хотя тамъ стѣны тоже земляныя, но крышей служитъ сводъ небесный и воздухъ не застаивается. Тамъ же со мною спятъ и главные мои сотрудники. А что касается ревматизма, то я уже давно пріобрѣлъ его и думаю, по окончаніи работъ, ѣхать лѣчиться на какія-нибудь сѣрныя воды.

Тутъ намъ принесли нѣсколько бутылокъ пива и лимонаду и кусокъ льду на тарелкѣ. Удивительно пріятно было выпить холоднаго лимонаду послѣ долгаго переѣзда подъ палящими лучами солнца!

Но въ сущности, конечно, это былъ крайне рискованный поступокъ съ моей стороны, и мнѣ пришлось скоро раскаяться въ немъ: недѣли черезъ полторы послѣ поѣздки у меня появилась настоящая болотная лихорадка съ обмороками и сильнымъ истощеніемъ организма. Съ великимъ трудомъ отдѣлался я отъ нея. N, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что названіе Гиндукуштъ произошло оттого, что, по преданію, въ этихъ мѣстахъ когда-то былъ уничтоженъ разбойниками караванъ индѣйцевъ.

Поблагодаривъ N за любезность, я простился съ нимъ и тѣмъ же путемъ, вмѣстѣ съ своимъ джигитомъ, поскакалъ обратно въ Іолотань.

На дорогѣ я, однако, пріостановился на минуту на главной плотинѣ, заинтересовавшись оригинальной ловлей рыбы. На главной плотинѣ вода падаетъ нѣсколькими каскадами по каменнымъ уступамъ. Вмѣстѣ съ нею падаетъ и мелкая рыба, которая, конечно, совершенно теряется въ этихъ водопадахъ и, обезумѣвъ отъ страха, высоко выскакиваетъ изъ бурлящихъ каскадовъ и бросается не впередъ, а назадъ, т. е. опять таки на тѣ же уступы. Изучившіе же это движеніе сторожа подставляютъ сверху сѣтки, въ которыя и попадаетъ растерявшаяся рыба.

Черезъ какія-нибудь 5—10 минутъ у каждаго изъ нихъ было по ведру мелкой рыбы. Въ этотъ же день, около 10 часовъ вечера, я былъ уже въ Мервѣ.

А. Андреевъ.

(*Окончаніе въ слѣд. №*).

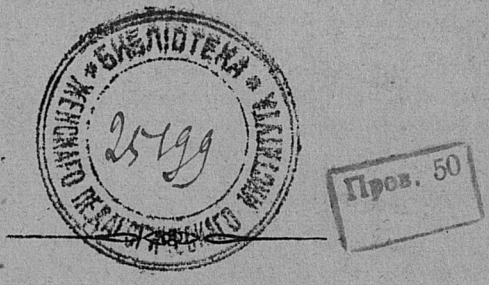
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКОВОЙ).

1896.

Октябрь.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.
1896.

На развалинахъ древняго Мерва [1]).

(Изъ путевыхъ записокъ).

VI.

Въ Мургабскомъ имѣніи.

Поѣздка въ имѣніе.—Любезная встрѣча.—Исторія имѣнія и плотинъ.—Неудача К. П. — Настоящее и будущее имѣнія. — Нѣмецъ-чародѣй. — Чудная ночь.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ описанной поѣздки по плотинамъ прежде, чѣмъ я собрался съѣздить въ Мургабское имѣніе. Да и не хотѣлось ѣхать одному — тѣмъ болѣе, что я еще не былъ знакомъ съ управляющимъ имѣніемъ.

Но постепенно устранились и эти препятствія, подобралась весьма пріятная компанія, въ составъ которой вошли одна молодая дама и барышня, и день отъѣзда былъ назначенъ.

Отъ Мерва до Байрамъ-Али, — той станціи, около которой лежитъ Мургабское имѣніе, — всего 25 верстъ. Но росписаніе Закаспійской военной желѣзной дороги составлено незадачно для поѣздокъ на этомъ протяженіи: всѣ пассажирскіе асхабадскіе поѣзда проходятъ черезъ Мервъ ночью, между часомъ и четырьмя.

Въ виду этого мы рѣшили ѣхать съ «водянкой» — оригинальнымъ поѣздомъ, подобнаго которому не существуетъ, конечно, нигдѣ болѣе на всемъ протяженіи Россійской имперіи. Нигдѣ, кромѣ Закаспійской области, не приходится развозить въ чанахъ по линіи воду, какъ для надобностей самой желѣзной дороги, такъ и для служащихъ на безводныхъ, въ полномъ смы-

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ“ сентябрь 1896 г.

слѣ слова, станціяхъ. А такихъ станцій по Закаспійской дорогѣ чуть не двѣ трети.

«Водянка» отходила изъ Мерва около 8 часовъ вечера, и вся наша компанія къ этому времени собралась на дебаркадерѣ Мервскаго вокзала—каменнаго зданія.

Къ поѣзду, по обыкновенію, былъ прицѣпленъ одинъ вагонъ третьяго класса, въ который мы и сѣли.

Ударилъ третій звонокъ, раздались свистки, и поѣздъ, гремя цѣпями, проѣхалъ по мосту надъ Мургабомъ, оставляя за собою полусонный Мервъ съ мерцающими по улицамъ фонарями.

Часовой переѣздъ былъ сдѣланъ незамѣтно, и мы удивились, когда раздались новые свистки, возвѣщавшіе близость Байрамъ-Али.

Въ Мургабское имѣніе мы поѣхали въ этотъ разъ по широкой дорогѣ-аллеѣ, съ молодыми еще сравнительно деревьями по обѣимъ сторонамъ. Нашъ экипажъ остановился у большаго каменнаго зданія, красивой и оригинальной архитектуры, въ которомъ жилъ управляющій имѣніемъ, полковникъ Z. Другой домъ, такой же архитектуры, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ, занималъ переводчикъ имѣнія, поручикъ X, холостой человѣкъ, принимающій всегда самое горячее участіе въ пріемѣ гостей, пріѣзжающихъ не рѣдко къ нимъ. Гостепріимство и сердечное радушіе администраціи Государева имѣнія хорошо извѣстны въ Закаспійской области.

Въ большой столовой, убранной по стѣнамъ китайской и японской посудой и ярко освѣщенной лампами и канделябрами, на длинномъ столѣ кипѣлъ самоваръ. Хозяинъ пригласилъ насъ выпить по стакану чаю, а прибывшую съ нами даму попросилъ занять мѣсто хозяйки, такъ какъ его супруга была въ отъѣздѣ.

За чаемъ и за послѣдовавшимъ потомъ ужиномъ съ чарджуйскими дынями, у насъ завязался разговоръ объ имѣніи, его исторіи и его будущемъ.

Тутъ мнѣ пришлось опять вести разговоръ объ извѣстномъ уже читателю инженерѣ и о его работахъ по возстановленію Султанбенда. Хозяева наши оказались его защитниками.

— Онъ долго жилъ въ Туркестанѣ,—разсказывали они,—и тамъ осуществилъ много дѣлъ въ области ирригаціи безводныхъ пустынь. Ему же обязано существованіемъ и Мургабское имѣніе.

— Когда же и какъ оно возникло?

— Въ 1886 году, когда уже черезъ Мервъ была проведена

желѣзная дорога, на Мургабѣ случился прорывъ плотины Кушутъ-ханъ-бендъ, орошающей Мервскій оазисъ, а за прорывомъ случилось наводненіе, разрушившее на большомъ протяженіи желѣзную дорогу. К. П. заинтересовался этимъ событіемъ, изъѣздилъ чуть не всю долину Мургаба и затѣмъ подалъ проектъ объ огражденіи впредь желѣзной дороги отъ наводненій путемъ возстановленія Султанбендской плотины, при чемъ указывалъ на возможность орошенія площади Стараго Мерва. Военное вѣдомство выдало ему для изысканій 10 тысячъ, и тогда онъ окончательно разработалъ свой проектъ. Но въ министерствѣ не оказалось нужныхъ средствъ для осуществленія его замысловъ, и тогда онъ рѣшилъ обратиться въ удѣльное вѣдомство. Тамъ вняли его настойчивымъ и убѣдительнымъ доводамъ, и 6 августа 1886 года воспослѣдовалъ Высочайшій указъ о созданіи Мургабскаго Государева имѣнія. К. П. одновременно приступилъ къ постройкѣ этихъ домовъ, въ которыхъ мы живемъ, и самой оросительной системы. Послѣднюю, къ несчастью, постигло фіаско, а дома-дворцы остались. Благодаря имъ уцѣлѣло и имѣніе, которое хотѣли бросить послѣ этой неудачи.

— Но велика ли вся площадь имѣнія?

— Очень велика,—отвѣтилъ Х,—около 104 тысячъ десятинъ, т. е. около 1000 квадратныхъ верстъ.

— Это цѣлое германское государство!

— Да! И при томъ, съ удивительной почвой, способной взростить все, что угодно до самыхъ нѣжныхъ фруктовъ. Была бы только вода.

— Вы надѣетесь когда-нибудь оросить всю площадь?

— Мы никогда не заходили такъ далеко, даже въ самыхъ пылкихъ мечтаніяхъ. Для этого не хватило бы воды въ Мургабѣ, или, по крайней мѣрѣ, пришлось бы совершенно обездолить все туземное населеніе Пендинскаго, Іолотанскаго и Мервскаго оазисовъ. Мы рѣшили брать лишь остатки воды, лишь то, что не нужно аборигенамъ края. Гиндукуштская система можетъ собрать часть такихъ излишковъ; Султанбендская помогла бы ей, а при содѣйствіи ихъ обѣихъ мы имѣли бы достаточно влаги для орошенія 8—10.000 десятинъ. Но это уже maximum. Далѣе идти нельзя: воды не хватитъ.

— А, пожалуй, что и можно бы,—вмѣшался одинъ изъ моихъ спутниковъ.

— Какимъ образомъ?—заинтересовался Х.

— Да вѣдь у васъ масса воды пропадаетъ даромъ, путемъ

испаренія и всасыванія въ почву. Если же устроить закрытыя водохранилища и вести изъ нихъ воду по трубамъ, вмѣсто каналовъ, то вы сберегли бы влагу не для одной тысячи десятинъ.

— Это вѣрно,—улыбаясь, отвѣтилъ Х,—но только на это понадобились бы огромныя деньги. Имѣніе и теперь уже стоитъ удѣльному вѣдомству болѣе трехъ милліоновъ.

— Однако! Какіе же доходы нужны, чтобы окупить эти изумительныя затраты?

— По крайней мѣрѣ около 300.000 въ годъ.

— И вы надѣетесь достигнуть этой цифры?

— Вполнѣ и даже безъ особаго напряженія. Одну тысячу десятинъ мы думаемъ пустить подъ виноградъ, изъ котораго будемъ выдѣлывать вино. Десятина виноградника даетъ урожай въ 400—500 пудовъ винограда, изъ котораго выходитъ не менѣе 300 ведеръ вина. Вино, по самой умѣренной цѣнѣ, стоитъ 2 рубля ведро. Слѣдовательно, 1000 десятинъ дастъ валоваго дохода, скромнымъ разсчетомъ, 600 тысячъ рублей, а чистаго не менѣе 400 тысячъ.

— Но годится ли для этого здѣшній виноградъ?

— Виноградъ здѣсь великолѣпный, нѣжный, сочный и душистый. Вино будетъ выходить прекрасное. Въ этомъ насъ поддержалъ недавно нѣмецкій винодѣлъ, тонкій спеціалистъ по своей части.

— Вы разскажите имъ,— вмѣшался тутъ переводчикъ имѣнія поручикъ Х,—какія чудеса продѣлывалъ этотъ господинъ на вашихъ глазахъ.

— Да,—отозвался управляющій,—это просто магъ и чародѣй. Представьте, онъ по одному вкусу безошибочно опредѣлялъ химическій составъ вина. Я поражался этой необычайной способностью!.. Но только онъ былъ слишкомъ требователенъ относительно обстановки своихъ опытовъ. Прежде всего увѣрялъ, что можетъ дѣлать ихъ только послѣ обѣда и обязательно при искусственномъ освѣщеніи. Одинъ разъ кто-то, въ другомъ отдѣленіи погреба, закурилъ папиросу. Нѣмецъ заволновался и заявилъ, что онъ слышитъ запахъ табаку и не можетъ продолжать опыта. Но зато точность его заявленій была выше всякой критики. Одинъ разъ онъ, напримѣръ, заявилъ, что вино вышло хуже, чѣмъ могло бы быть, и произошло это оттого, что виноградъ сняли за 8 дней до его полной готовности. И это оказалось совершеннѣйшей правдой. По его же завѣренію, вино имѣетъ одинъ вкусъ, если его пить изъ тонкаго стакана, и другой, если—

изъ толстаго. Онъ говорилъ вообще, что въ Туркестанѣ и Закаспійской области есть такіе сорта винограда, о которыхъ не имѣютъ понятія въ Европѣ и изъ которыхъ можно выдѣлывать невиданные еще вина и коньяки. Мы будемъ сажать по преимуществу европейскія лозы. Намъ шлютъ ихъ изъ Крыма и изъ удѣльнаго имѣнія Абрау. Но, конечно, испытаемъ и мѣстныя лозы.

— Подъ виноградъ вы отводите тысячу десятинъ. Что же вы будете дѣлать съ другою?

— На другой разведемъ рощи фруктовыхъ деревьевъ, персиковъ, миндаля, французскаго чернослива, орѣховъ и т. д.

— И будете вывозить ихъ свѣжими?

— О, нѣтъ, они не выдержатъ перевозки. Мы будемъ сушить ихъ и особенное вниманіе хотимъ обратить на французскій черносливъ. Если удадутся эти проекты,—имѣніе будетъ золотымъ дномъ. Особенно, если Султанбендъ будетъ возстановленъ и вода пройдетъ по 10 тысячамъ десятинъ. Это еще дѣло будущаго. А пока дай Богъ справиться и съ имѣющимися двумя тысячами десятинъ, которыя, кстати сказать, далеко не вполнѣ орошены.

Ужинъ кончился. Общество, поблагодаривъ хозяина, высыпало на балконъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Ночь стояла чудная, несмотря на сравнительно позднее время года. Полная луна обливала мягкимъ серебристымъ свѣтомъ дома и купы деревьевъ и придавала всему какой-то таинственный оттѣнокъ. Значительно посвѣжѣвшій, сравнительно съ днемъ, но все еще теплый воздухъ ласкалъ, какъ бархатъ, лицо и цѣлебной струей вливался въ грудь. Тишина стояла полная, и лишь изрѣдка легкій вѣтерокъ шелестилъ въ листвѣ деревьевъ.

— Какъ хорошо!—сказала томнымъ голосомъ одна изъ нашихъ спутницъ, — что-за чудная ночь!

Мы всѣмъ обществомъ двинулись къ широкимъ аллеямъ, обсаженнымъ разнообразными деревьями, успѣвшими пышно разрости за 7, 8 лѣтъ существованія имѣнія.

Разговоръ сначала не шелъ, такъ какъ каждый безмолвно наслаждался великолѣпной ночью. Но затѣмъ рѣчь вновь зашла объ имѣніи и о планахъ будущаго. Хозяинъ показывалъ намъ тщательно содержимые питомники, изъ которыхъ весною предстояло пересаживать молодыя деревца на новыя, предназначенныя имъ мѣста.

VII.

Послѣдніе годы Стараго Мерва.

Рабочіе и администрація имѣнія.—Книга Миръ-Абдулъ-Керима Бухарскаго.—Байрамъ-Али-Ханъ и его трагическая смерть.—Побѣда бухарцевъ и присоединеніе Мерва къ Бухарѣ.

На другой день я проснулся довольно рано. Мои спутники еще спали, и только переводчикъ имѣнія, поручикъ X, приступилъ уже къ дневнымъ занятіямъ.

Передъ домомъ стояла толпа рабочихъ, отъ которыхъ онъ принималъ жалобы и тутъ же разбиралъ ихъ. Было также нѣсколько человѣкъ просителей, желавшихъ получить въ имѣніи землю въ аренду.

— Какую это землю вы отдаете въ аренду?—спросилъ я.

— Въ ближайшемъ будущемъ,—отвѣтилъ X,—мы возьмемъ для нуждъ имѣнія лишь одну тысячу десятинъ изъ числа орошенныхъ Гиндукуштской системой. Вторая же тысяча останется пока пустой. Вотъ ее-то мы и раздаемъ туземцамъ въ аренду на годичный срокъ, изъ четверти урожая.

— И охотно берутъ?

— Желающихъ гораздо больше, чѣмъ требуется. Понятно: земля прекрасная и сто лѣтъ уже пустовавшая.

— И все здѣшніе туркмены?

— Да, главнымъ образомъ мервскіе текинцы. Но много есть таранчинцевъ изъ Кульджи, сартовъ изъ Бухары и т. д.

— А ваши рабочіе тоже изъ туземцевъ?

— Да. Теперь до 800 человѣкъ занято. Каждый получаетъ 50 коп. въ день и имѣетъ отъ насъ квартиру, отопленіе и освѣщеніе. Но пища своя. Управляющему, мнѣ, штатному доктору и инженеру,—должность котораго лишь временная до окончанія ирригаціи имѣнія,—отведены подъ квартиры особые дома,—какъ вы видите, прекрасно и удобно устроенные.

Въ это время доложили, что между нѣсколькими рабочими и десятникомъ вышло въ конторѣ препирательство изъ-за неправильныхъ отмѣтокъ въ рабочемъ журналѣ и невѣрнаго разсчета платы. Уходя разбирать ихъ, X далъ мнѣ интересную книгу, познакомившую меня съ послѣдними годами существованія Стараго Мерва.

Ея заглавіе было слѣдующее: «Histoire de l'Asie centrale

(Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khokand) par Mir Abdoul-Kerim Boukhary, traduite par Schefer. Paris, 1876».

Въ ней я нашелъ рядъ интересныхъ данныхъ относительно Стараго Мерва, которыя и предлагаю здѣсь въ выдержкѣ.

Однимъ изъ послѣднихъ владѣтелей Стараго Мерва былъ Байрамъ-Али-Ханъ, происходившій по отцу изъ племени Каджаровъ [1]), а по матери—изъ туркменъ-салыровъ.

Это былъ витязь въ полномъ смыслѣ слова.

Авторъ цитируемой книги, современникъ Байрамъ-Али-Хана и ярый суннитъ, преклоняется передъ нимъ, несмотря на его шіитское исповѣданіе [2]). Никогда, говоритъ онъ, не рождался среди персовъ подобный герой.

Около трехъ лѣтъ Байрамъ-Али-Ханъ мирно правилъ Мервомъ и жилъ въ согласіи съ сосѣдями. Но около 1785 года нашей эры въ Бухарѣ умеръ эмиръ Даніалъ-Би, любившій правителя Мерва, какъ своего роднаго сына. На престолъ вступилъ сынъ Даніала, Шахъ-Мурадъ, ревностный суннитъ, поставившій цѣлью своей жизни распространеніе истинной вѣры (т. е. суннитскаго толка) и истребленіе невѣрныхъ. И прежде всего онъ обратилъ свое оружіе противъ шіитскаго Мерва.

Напрасно Байрамъ-Али-Ханъ, узнавъ о смерти Даніалъ-Би, послалъ въ Бухару своихъ лучшихъ офицеровъ съ богатыми подарками и письмомъ, въ которомъ выражалъ свое сердечное соболѣзнованіе; напрасно велѣлъ онъ читать въ Мервѣ Коранъ для спасенія души умершаго и раздавать даромъ воду и съѣстные припасы. Шахъ-Мурадъ стойко преслѣдовалъ свои планы и весьма скоро открылъ враждебныя дѣйствія противъ Мерва.

Въ 1200 году Гиджры (1785 г. нашей эры) новый эмиръ отправилъ отрядъ туркменъ и 2.000 узбекскихъ всадниковъ съ приказаніемъ разорить окрестности Мерва. Байрамъ-Али-Ханъ вышелъ навстрѣчу врагамъ и, какъ волкъ, напавшій на стадо овецъ, убивалъ и уничтожалъ туркменъ и узбековъ.

Тогда Шахъ-Мурадъ прибѣгъ къ хитрости.

Онъ придвинулъ къ Чарджую [3]) 6-ти-тысячную конную ар-

---

[1]) Къ этому племени принадлежитъ царствующая нынѣ въ Персіи династія.

[2]) До событій, о которыхъ пойдетъ далѣе рѣчь, Мервъ принадлежалъ Персіи. Персіане же, какъ извѣстно, шіиты, тогда какъ бухарцы, туркмены, авганцы, турки—сунниты. Оба толка взаимно ненавидятъ другъ друга.

[3]) На Аму-Дарьѣ. Нынѣ—первая станція Закаспійской ж. д. въ предѣлахъ Бухары.

мію и потомъ, какъ-будто не рѣшаясь перейти границу, вернулся обратно въ свою столицу. Шпіоны Байрамъ-Али-Хана извѣстили его объ этомъ, и онъ пересталъ принимать военныя предосторожности.

А эмиръ между тѣмъ пробылъ въ своемъ дворцѣ лишь на публичныхъ молитвахъ, затѣмъ скрытно отправился въ Чарджуй, откуда въ одну ночь прошелъ форсированнымъ маршемъ черезъ песчаныя пустыни и очутился подъ стѣнами Мерва. Тутъ онъ спряталъ въ засадѣ 4 тысячи всадниковъ, а остальнымъ приказалъ заняться фуражировкой.

Слухи объ этомъ дошли въ полночь до Байрамъ-Али-Хана, и онъ тотчасъ же выѣхалъ изъ города, чтобы отрѣзать фуражирамъ путь въ Бухару и истребить ихъ. Не послушалъ онъ и увѣщаній своей матери, которая умоляла его не выѣзжать до восхода солнца, такъ какъ во снѣ она видѣла дурныя предзнаменованія.

Раздѣливъ свой отрядъ на двѣ части, ханъ съ 550 всадниками наткнулся подъ утро на мародеровъ и истребилъ ихъ. Но при этомъ въ руки всадниковъ попался зять Шахъ-Мурада, Кара-Ходжа. Онъ потребовалъ, чтобы его провели къ самому хану, и сказалъ ему:

— Я одно изъ важнѣйшихъ лицъ въ Бухарѣ. Я—зять Шахъ-Мурада. Поэтому вы должны вѣрить моимъ словамъ.

— Не ходите впередъ,—сказалъ Кара-Ходжа,—Шахъ-Мурадъ расположился въ засадѣ съ 6.000 всадниковъ, у васъ же очень мало войска. А Аллаху не угодно, чтобы вы были жертвой коварства. Я вашъ плѣнникъ и даю вамъ доказательство своего добраго расположенія.

Но не помогли мольбы бѣдняка: «проклятый, невѣрный шіитъ» не хотѣлъ слушать его.

— Ты лжешь!—крикнулъ онъ,—Шахъ-Мурадъ въ Бухарѣ и сюда не приходилъ.

И однимъ взмахомъ сабли онъ отрубилъ голову Ходжи, который былъ принятъ Аллахомъ въ число мучениковъ.

Но возмедіе было уже близко.

Преслѣдуя бѣглецовъ, Байрамъ-Али-Ханъ наткнулся на 6 туговъ бухарскихъ всадниковъ [1]), которые окружили его небольшой отрядъ и убили его самого.

---

[1]) Турецкое слово *туғ* означаетъ хвостъ яка или лошади, замѣняющій знамя у большинства народовъ центральной Азіи. Въ Бухарѣ тугъ отвѣчалъ 1.000 человѣкъ.

Одинъ изъ авганскихъ военачальниковъ отрѣзалъ хану голову, а эмиръ отправилъ ее въ Бухару, гдѣ она была выставлена въ теченіе недѣли на лобномъ мѣстѣ.

Поэтъ сказалъ по этому поводу слѣдующій стихъ:

„Голова Байрамъ-Али-Хана стала серьгой висѣлицы".

Трупъ хана отдали его матери.

Окрестности Мерва были жестоко опустошены, и головы всадниковъ-шіитовъ были сложены цѣлой грудой, у подножія висѣлицы.

Заключивъ «призрачный» миръ, Шахъ-Мурадъ вернулся въ Бухару...

У Байрамъ-Али-Хана было три сына: старшій Ходжа-Мегемедъ-Гуссейнъ былъ Платономъ своего вѣка и славился своей мудростью и знаніями. Онъ жилъ въ Мешедѣ [1]), почему власть въ Мервѣ перешла къ его слѣдующему брату, Мегемедъ-Керимъ-Хану.

При этомъ послѣднемъ случилось между прочимъ слѣдующее происшествіе.

Семь важнѣйшихъ обитателей Мерва были взяты въ плѣнъ и отведены въ Бухару. Тамъ, по настоянію Шахъ-Мурада, они стали суннитами и убѣдили эмира отправить ихъ обратно въ Мервъ, обѣщая склонить Мегемедъ-Керимъ-Хана сдать городъ бухарцахъ.

— Тогда мы будемъ повиноваться вамъ,—говорили они, — и станемъ вашими подданными.

Шахъ-Мурадъ велѣлъ дать имъ пышныя одежды и отпустилъ ихъ въ Мервъ.

Прибывъ въ родной городъ, они собрали родныхъ и близкихъ, и сказали имъ:

— Хотя мы имѣемъ возможность сопротивляться узбекскимъ солдатамъ, но лучше будетъ, если мы подчинимся Бухарѣ и тѣмъ отвратимъ отъ нашихъ дѣтей и отъ страны грозящія имъ бѣды. Мы сами безсильны, помощи ждать не откуда. У насъ нѣтъ денегъ, и намъ не на что разсчитывать.

Обитатели города, видимо, склонялись на ихъ сторону, такъ какъ болѣе всего хотѣли мира.

Но ближайшій совѣтникъ правителя, Мегемедъ-Кули-Ханъ, сказалъ своему повелителю:

---

[1]) Главный городъ Хорасана—лучшей персидской провинціи.

— Эти семь вельможъ были въ плѣну въ Бухарѣ. Боязнь лишиться жизни принудила ихъ принять суннитство и, ставъ сами слугами Шахъ-Мурада, они склоняютъ теперь къ тому же весь народъ. Лучше отдѣлаться отъ нихъ и устранить такимъ образомъ причину смутъ и волненій.

Керимъ-Ханъ принялъ этотъ вѣроломный совѣтъ.

Однажды всѣхъ семерыхъ вельможъ пригласили во дворецъ, яко бы для совѣщаній по поводу послѣднихъ дѣлъ.

Когда же они прибыли и высказали свои мнѣнія, ханъ, подъ какимъ-то предлогомъ, вышелъ изъ залы, куда вторглись вооруженные люди, въ одну минуту убившіе ихъ всѣхъ. Дома же ихъ были преданы разграбленію.

Но спустя нѣкоторое время, мервскіе жители прогнали отъ себя Керимъ-Хана и пригласили изъ Мешеда его старшаго брата, Хаджи-Мегемедъ-Гуссейна.

Этотъ послѣдній, возмущенный убійствомъ семерыхъ добродѣтельныхъ вельможъ, приказалъ забить палками Мегемеда-Кули-Хана, по проискамъ котораго они погибли. Не въ то же время онъ послалъ къ авганскому шаху Тимуру просить помощи противъ Бухары, такъ какъ Шахъ-Мурадъ двинулъ вновь свои войска къ Мерву, но, не будучи въ состояніи взять сильно укрѣпленный городъ, ограничился разрушеніемъ плотины, благодаря извѣстной уже читателю измѣнѣ правителя замка, оберегавшаго ее.

Тимуръ-Шахъ прислалъ 5.000 всадниковъ, подъ начальствомъ Лешкери-Хана-Бердурани и тѣмъ замедлилъ окончательное паденіе Мерва.

Но скоро между владѣтелемъ Мерва и начальникомъ авганскаго отряда произошла ссора по слѣдующей причинѣ.

У Лешкери-Хана былъ сынъ Ханджеръ-Ханъ. Онъ влюбился въ сестру Хаджи-Мегемедъ-Гуссейнъ-Хана, которая отвѣчала ему тѣмъ же. Но когда владѣтель Мерва узналъ объ этомъ,— онъ воспылалъ сильнымъ гнѣвомъ и, заставъ однажды ночью Ханджеръ-Хана на мѣстѣ преступленія, такъ сильно ударилъ молодаго человѣка, равнаго Іосифу по своей красотѣ, что онъ умеръ, вернувшись въ домъ своего отца.

Хаджи-Мегемедъ-Гуссейнъ-Ханъ, видимо, не ожидалъ такого печальнаго исхода, но, узнавъ о немъ, приказалъ также убить и свою сестру.

Подобная жестокость возмутила Лешкери-Хана, и онъ, отвергнувъ всѣ мольбы, ушелъ въ Гератъ, взявъ съ собою около 2.000 мервскихъ семействъ, не пожелавшихъ оставаться на мѣстѣ.

Положеніе Мерва стало отчаяннымъ, и оставалось только подчиниться Бухарѣ, что̀ и было сдѣлано.

Шахъ-Мурадъ прислалъ свои войска и своихъ правителей, а жителей Мерва постепенно переселилъ въ Бухару.

Такъ палъ славный Мервъ-Шахиджанъ (царская душа)!

VIII.

По развалинамъ.

Планъ развалинъ.—Байрамъ-Али-Ханъ-Кала.—Абдула-Хана, развалины и исторія ея.—Могилы двухъ сподвижниковъ Магомета.—Встрѣча съ змѣей.

Когда я закончилъ просмотръ книги, данной мнѣ моимъ хозяиномъ, было уже около 10 часовъ утра.

Спутники мои всѣ уже встали, и мы согласились воспользоваться утренними часами для поѣздки на развалины Стараго Мерва.

Я сѣлъ вмѣстѣ съ поручикомъ въ легкую двумѣстную телѣжку, и мы двинулись впередъ, какъ бы открывая путь болѣе тяжелымъ экипажамъ.

Лихія лошади подхватили съ мѣста, и черезъ минуту, пересѣкши полотно желѣзной дороги, мы увидѣли передъ собой длинныя и высокія стѣны, сложенныя изъ сырцоваго кирпича и смазанныя снаружи глиной.

— Это самое новое городище,—сказалъ мнѣ X,—его называютъ *Байрамъ-Али-Ханъ-Калой* [1]), такъ какъ приписываютъ,—хотя и напрасно,—постройку ея тому хану, о которомъ вы только-что читали.

— Вы сказали,—перебилъ я его,—самое новое городище? Но сколько жъ ихъ тогда?

— Собственно нужно считать три: то, которое теперь передъ нами, относится къ XV—XVIII вѣкамъ. За нимъ и немного въ сторонѣ отъ него, мы увидимъ другое городище, предшествовавшее, по времени, этому и именуемое *Султанъ-Калой*. Тамъ сохранились наиболѣе замѣчательныя постройки, къ которымъ мы собственно и ѣдемъ. Султанъ-Кала отвѣчаетъ XI и XII вѣкамъ, т. е. періоду наибольшаго процвѣтанія Мерва. Нако-

---

[1]) *Кала*—по-туркменски крѣпость.

нецъ, третье, самое древнее городище, именуемое *Гяуръ-Килой* или крѣпостью невѣрныхъ, лежитъ за Султанъ-Калой. Въ немъ уже ничего, кромѣ мусора и балокъ, не осталось. Существованіе его относятъ къ временамъ владычества въ Мервѣ арабовъ, т. е. къ VIII—XI вѣкамъ.

— Но это городище, которое теперь передъ нами, представляетъ, какъ я вижу, замкнутый четыреугольникъ съ стѣнами весьма солидной конструкціи?

— Совершенно вѣрно, это прямоугольникъ, имѣющій по длинѣ около трехъ четвертей версты, а по ширинѣ около полуверсты. Кругомъ идутъ массивныя, саженной толщины, стѣны изъ сырцоваго кирпича, представлявшія, по тѣмъ временамъ, несокрушимую защиту.

— При такихъ стѣнахъ, бухарцамъ, конечно, трудно было брать Мервъ, и понятно, почему они ограничивались разореніемъ плотины, но скажите, кто же построилъ это городище?

— Мнѣ только-что пришлось прочитать весьма интересное сочиненіе профессора Петербургскаго университета Жуковскаго, посвященное древностямъ и исторіи Стараго Мерва. По мнѣнію его, Байрамъ-Али-Ханъ-Кала только была названа по имени этого хана, а построена она значительно раньше знаменитымъ персидскимъ шахомъ Аббасомъ Великимъ, когда онъ, въ самомъ началѣ XVII вѣка, занялъ Мервъ и обвелъ его высокими стѣнами съ глубокими рвами и крѣпкими башнями.

Мы успѣли обогнуть юго-западный уголъ стѣны и, проѣхавъ вдоль западнаго фаса ея, въѣхали въ широкія ворота, съ обѣихъ сторонъ которыхъ,—судя по развалинамъ, достаточно еще уцѣлѣвшимъ,—возвышались раньше высокія башни. Тутъ же видны были достаточно еще сохранившіяся амбразуры, бойницы, галлереи, свидѣтельствовавшія о сравнительно высокомъ фортификаціонномъ искусствѣ владѣтелей крѣпости.

Но за то вся внутренность городища, которую мы перерѣзали по хорошо накатанной дорогѣ, оказалась совсѣмъ пустой: никакихъ руинъ, никакихъ построекъ. Я справился у своего спутника, что это значитъ.

— Въ этомъ много виновато наше имѣніе, а также Закаспійская желѣзная дорога. Возводя свои постройки, инженеры нуждались, конечно, въ строительномъ матеріалѣ и безъ зазрѣнія совѣсти ломали здѣшнія руины и по особо устроенному рельсовому пути увозили отсюда въ вагонеткахъ прекрасный жженый кирпичъ.

— Но вѣдь это варварство!

— Мы уже отказались отъ него и стараемся, наоборотъ, на сколько хватаетъ силъ и средствъ, поддерживать старину. Но ей тѣмъ не менѣе грозитъ опасность рано или поздно исчезнуть, если не будутъ ассигнованы на то потребныя суммы. Но это только лишь здѣсь такое запустѣніе. Въ смежной части этого городища, въ которую мы сейчасъ въѣзжаемъ и которая называется Абдулла-Ханы, сохранилось еще много развалинъ и иногда настолько хорошо, что можно судить объ архитектурѣ построекъ.

Дѣйствительно, проѣхавъ вторыя ворота, такія же, какъ и первыя, мы очутились среди развалинъ, довольно устойчиво выдержавшихъ долгую борьбу съ временемъ и стихіями.

По обѣимъ сторонамъ дороги, переходившей съ бугра на бугоръ, виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ руины всевозможныхъ формъ и видовъ, перемежавшихся грудами кирпичей и мусора.

Въ одномъ мѣстѣ мы велѣли остановить лошадей и вышли изъ брички. Остальная компанія послѣдовала нашему примѣру.

Передъ нами былъ рядъ кирпичныхъ построекъ, то сохранившихъ еще свои сводчатыя крыши, то потерявшихъ уже ихъ и выставлявшихъ подъ дѣйствіе стихій свои и такъ уже обглоданныя и поосыпавшіяся стѣны. Въ нѣкоторыхъ видны были глубоко ушедшіе въ землю подвалы. Кругомъ лежали кучи мусора и кирпичу, значительно затруднявшія движеніе.

Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, хотя наши хозяева и говорили, что въ сѣверо-восточномъ углу Калы, или въ кремлѣ ея, сохранился двухъ-этажный дворецъ правителя съ рядами комнатъ, съ надворными постройками и конюшнями,— большинство моихъ компаньоновъ запротестовало противъ осмотра ихъ, такъ какъ проѣхать туда въ экипажахъ было невозможно за отсутствіемъ дороги.

Обойдя двѣ-три ближайшихъ развалины какихъ-то цистернъ и бань и пропустивъ впередъ экипажи съ дамами, мы тронулись по ихъ слѣдамъ.

— Скажите, — обратился я къ своему спутнику, — эта часть крѣпости примыкаетъ своей западной стѣной къ восточной стѣнѣ Байрамъ-Али-Ханъ-Калы!

— Да,—отвѣтилъ онъ,—одна стѣна у нихъ общая. Абдулла-Ханы немного меньше Байрамъ-Али-Ханъ-Калы, но въѣздныя ворота въ трехъ параллельныхъ стѣнахъ ихъ находятся почти на одной линіи, и черезъ нихъ-то и идетъ наша дорога.

— Къ какому же времени относится эта часть крѣпости?

— Она возникла въ началѣ XV вѣка, черезъ два вѣка послѣ ужаснаго разгрома Стараго Мерва или Султанъ-Калы монгольскими полчищами.

— Кто же ее выстроилъ, и почему она называется Абдулла-Ханы?

— Первымъ строителемъ ея былъ Султанъ-Шахрохъ, сынъ знаменитаго Тимура—этого Желѣзнаго Хромца, гробница котораго, какъ вы знаете, находится въ Самаркандѣ. При жизни отца, Шахрохъ былъ правителемъ Хоросана и Мервской области, какъ одной изъ его частей. Нужно думать, что тогда ужь онъ задумалъ возстановить знаменитый Мервъ. Ставъ же султаномъ, онъ издалъ приказъ, чтобы всѣ подданные, не занятые на своихъ мѣстахъ, шли въ Мервскій оазисъ и помогли поднять изъ пепла старый городъ. Прежде всего онъ возстановилъ плотину на Мургабѣ и расчистилъ каналы, ведшіе отъ нея воду къ Мерву и засыпанные отъ времени землей. Послѣ этого, какъ выразился одинъ современный Шахроху поэтъ, земли, лишенныя дотолѣ воды и разбитыя, какъ сердца влюбленныхъ, получили блескъ дѣвственныхъ ланитъ красавицы и свѣжесть перваго пушка на ея щекахъ. Изгнаны были со старыхъ заброшенныхъ полей гіены и лисицы, давно уже считавшія ихъ своимъ достояніемъ, и на нихъ вновь зашумѣли сочной листвой роскошные сады, дававшіе пріютъ сладкозвучнымъ пташкамъ и укрывавшіе отъ зноя усталыхъ путниковъ. Народъ сталъ стекаться со всѣхъ сторонъ толпами, заселяя заброшенныя мѣста и устраивая базары, бани, караванъ-сараи, училища и мечети... Черезъ десятокъ лѣтъ разрушенія какъ бы не бывало, и на мѣстѣ прежнихъ пустырей появился большой и богатый городъ.

— Преемники Шахроха относились не менѣе заботливо къ начатому имъ дѣлу, и особенно отличился въ этомъ отношеніи правитель Мерва, Мирза-Санджаръ, жившій въ XV вѣкѣ,—соименникъ знаменитаго султана Санджара, доведшаго Старый Мервъ въ серединѣ XII вѣка до высшей степени его процвѣтанія и въ немъ же погребенный въ мавзолеѣ, который вы скоро увидите. Въ виду такого совпаденія именъ одинъ мѣстный поэтъ сказалъ:

«Сердце юноши такъ же оживляется любовью, какъ и сердце старика:

Строителемъ Стараго Мерва былъ Санджаръ и Новаго также Санджаръ».

— Но почему же тогда,—спросилъ я,—эта часть крѣпости называется Абдулла-Ханы, а не Шахрохъ или Санджаръ-Кала?

— По этому поводу,—отвѣтилъ Х,—должно, кажется, ограничиться одними предположеніями, хотя Абдаллахъ-Ханъ—личность историческая и нѣкоторое время владѣлъ Мервомъ.

— Въ началѣ XVI вѣка,—продолжалъ онъ,—Хоросаномъ и Мервомъ завладѣла Персія, хозяйничавшая тутъ до извѣстныхъ уже вамъ событій конца прошлаго вѣка, когда бухарскій эмиръ Шахъ-Мурадъ присоединилъ оазисъ къ своимъ землямъ. Но старые господа этихъ мѣстъ, Тимуриды и Узбеки, не сразу отказались отъ нихъ и долго враждовали съ персами. Абдаллахъ-Ханъ былъ изъ числа Узбекскихъ государей и извѣстенъ былъ въ средней Азіи своей благотворительностью. Онъ рѣшилъ отнять Мервъ у персовъ, и это удалось ему въ самомъ концѣ XVI вѣка, хотя и на очень короткое время. Перейдя Аму-Дарью, онъ остановился въ Чарджуѣ, а главныхъ своихъ вождей послалъ впередъ для рекогносцировки. Но эти послѣдніе разошлись во мнѣніяхъ и разбились на двѣ партіи. Одна изъ нихъ, зная хорошо дорогу, скрытнымъ ночнымъ маршемъ подошла къ сѣверной стѣнѣ Мервской крѣпости и, овладѣвъ неожиданнымъ нападеніемъ несуществующими уже теперь воротами Пехлевана-Ахмеда, вторглась въ городъ. Но жители уже успѣли собраться и, давъ имъ рѣшительный отпоръ, выгнали изъ города. Другая партія заблудилась въ окрестностяхъ и, подойдя къ Мерву съ западной стороны, приступила къ закладкѣ огня подъ ворота, но тутъ главный предводитель ея былъ смертельно раненъ, и узбеки отступили. На слѣдующій день явился и самъ Абдаллахъ-Ханъ и ночью сдѣлалъ приступъ, но также былъ отбитъ. Также неудачна была и вторая его попытка. Тогда, пылая гнѣвомъ, онъ рѣшилъ устроить общій приступъ, но военачальники отговорили его отъ такого рискованнаго шага и посовѣтовали разрушить плотину на Мургабѣ и, лишивъ такимъ образомъ осажденныхъ воды, заставить ихъ сдаться. Абдаллахъ-Ханъ послушалъ совѣта и завладѣлъ Мервомъ.

Пока шелъ этотъ разговоръ, мы уже выѣхали изъ предѣловъ Абдулла-Ханы и двигались по открытой и слегка всхолмленной равнинѣ, на которой въ разныхъ направленіяхъ виднѣлись развалины всевозможныхъ формъ и видовъ. Особенно бросилось мнѣ въ глаза большое куполообразное зданіе, стоявшее далеко впереди за какими-то валами, и виднѣвшаяся въ сторонѣ громадная полуразрушенная постройка конической формы, со сбитой временемъ верхушкой.

— Большое зданіе съ куполомъ, сказалъ Х,—это—мавзолей султана Санджара, куда мы собственно и ѣдемъ: это наибольшая достопримѣчательность Стараго Мерва. А заинтересовавшій васъ полуразбитый временемъ корпусъ—одинъ изъ старыхъ персидскихъ ледниковъ. Впрочемъ, персіане и теперь еще строятъ подобные ледники.

— И хорошо въ нихъ сохраняется ледъ?

— Цѣлыми годами лежитъ и не таетъ. Мы также усвоили себѣ этотъ способъ храненія льда. Жаль, что мы раньше не заговорили объ этомъ, а то я показалъ бы вамъ наши прошлогодніе ледники. Они находятся какъ разъ у восточной стѣны Абдулла-Ханы, во рву, гдѣ хорошо защищены отъ солнечныхъ лучей.

Мы подъѣхали къ живому мостику, перекинутому черезъ наполненный водою Меджеуръ-ябъ. Дамы подняли крикъ, когда мостъ заплясалъ подъ ногами лошадей, но переѣздъ совершился благополучно, и мы быстрой рысью двинулись къ выроставшей передъ нами оригинальной постройкѣ въ видѣ двухъ стѣнъ съ нишами.

Черезъ минуту экипажи остановились, и наши хозяева предложили намъ выйти посмотрѣть «гробницы двухъ сподвижниковъ Магомета».

— Магомета?—спросилъ я съ изумленіемъ.

— Да, Магомета,—отвѣтилъ Х,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ надписи на камняхъ, лежащихъ надъ могилами.

Къ нимъ вела малопроторенная тропинка, заросшая по бокамъ разными сорными травами. Тутъ же стояло нѣсколько построекъ-руинъ, въ видѣ комнатъ съ сводчатыми крышами. Направо оказалась старинная, но все еще прекрасно сохранившаяся цистерна съ глубокимъ водоемомъ. Каменныя стѣны, сводчатый куполообразный потолокъ, каменная лѣстница въ глубину—все это настолько уцѣлѣло, что хоть сейчасъ можно бы влить надлежащее количество воды, слѣды которой до сихъ поръ сохранились на стѣнахъ цистерны.

Еще нѣсколько шаговъ, и мы очутились около гробницъ двухъ *асх'абовъ* или сподвижниковъ Магомета.

Это были двѣ каменныхъ камеры, сильно пострадавшія отъ времени, безъ крышъ, съ широкими амбразурами въ каждой изъ стѣнъ, зарѣшетками деревянными. Внутри каждой камеры лежало по сѣрой мраморной плитѣ съ красивой высѣченной арабской надписью и съ неменѣе красивымъ узорчатымъ поясомъ на верхнемъ краю. Камеры не велики и стоятъ другъ отъ

друга на $1\frac{1}{2}$—2 сажени. Сзади ихъ и какъ бы въ защиту воздвигнуты такъ называемыя *ворота*, или двѣ толстыхъ кирпичныхъ стѣны съ глубокими нишами въ каждой изъ нихъ, замыкающимися наверху острымъ сводомъ. По общему кирпичному фону «ворота» и особенно обѣ ниши отдѣланы глазурованными кирпичиками разныхъ цвѣтовъ—то голубаго и синяго, то краснаго и бѣлаго. Въ общемъ получались довольно красивые узоры, подобные которымъ часто приходится встрѣчать на мусульманскомъ востокѣ.

— По преданію туркменъ, — сказалъ Х,—подъ этими камнями похоронены два святыхъ проповѣдника или,—какъ говорятъ другіе,—братъ и сестра благотворители. Тѣ же мѣстныя преданія приписываютъ обѣимъ могиламъ цѣлебную силу, и къ нимъ стекаются на поклоненіе обитатели окрестностей. Вотъ эти шесты съ тряпками наверху, которые придѣланы къ камерамъ,—это приношенія правовѣрныхъ сыновъ ислама. Весь этотъ мусоръ, который валяется кругомъ: кирпичи, стекляшки, обломки глиняныхъ сосудовъ—все это собрано по всему полю развалинъ и принесено сюда усердными богомольцами, въ видѣ жертвы.

— Но вы сказали, что тутъ похоронены сподвижники Магомета?—спросилъ я.

— Да, судя по этимъ надписямъ. Но, по несомнѣннымъ даннымъ, какъ надписи, такъ и плиты происхожденія болѣе близкаго къ намъ времени, чѣмъ самыя могилы.

— А надписи эти разобраны?

— Профессоръ Жуковскій далъ ихъ переводъ. Я не могу, конечно, передать вамъ памятью содержаніе ихъ, но помню, что на одной плитѣ говорится объ Абу-Абдаллахѣ-Бурейдѣ, котораго самъ Магометъ прислалъ сюда для распространенія Корана и который былъ нѣсколько лѣтъ правителемъ Мерва и здѣсь же умеръ и похороненъ—какъ помнится, въ 681 году. Подъ другимъ камнемъ лежитъ будто-бы другой асх'абъ—Аль-Хакамъ, правившій Мервомъ еще до Бурейды и также умершій здѣсь за 10 лѣтъ до своего преемника. Магометъ называлъ ихъ обоихъ «очесами жителей востока».

— Но какое варварство,—сказалъ кто-то:—вонъ уже отбили уголъ у плиты.

— Да,—отозвался Х,—видно, одинъ изъ туристовъ пожелалъ унести кусочекъ надписи на память. Но во избѣжаніе повторенія этого впредь мы вставили въ амбразуры рѣшетки.

Одна изъ дамъ, отдѣлившаяся нѣсколько отъ насъ и ходив-

шая по смежнымъ развалинамъ, громко вскрикнула и бросилась назадъ. Всѣ поспѣшили къ ней, участливо справляясь, что случилось.

— Змѣя, огромная змѣя, — задыхаясь, отвѣтила она,—я ходила по гробницамъ и чуть не наступила на нее.

— Гдѣ, гдѣ? Покажите,—сказалъ одинъ изъ кавалеровъ, вытаскивая изъ кармана револьверъ,—мы сейчасъ же накажемъ ее.

Дама показала мѣсто, и всѣ мы пошли туда.

Дѣйствительно, шагахъ въ тридцати отъ могилъ лежала, вытянувшись среди мусора и травы, громадная змѣя, не менѣе, какъ въ сажень длиной и въ руку толщиной. Она грѣлась на солнцѣ и, видимо, не дала себѣ труда даже пошевелиться, когда дама наткнулась на нее. Но теперь, завидѣвъ насъ и какъ будто угадавъ наши намѣренія, она подняла свою голову и, раскрывъ пасть, издала шипящій звукъ... Но тутъ же раздался выстрѣлъ, и змѣя, судорожно изгибаясь, задвигалась всѣмъ тѣломъ и бросилась прочь: видимо, пуля попала въ цѣль...

За первой пулей послѣдовала вторая, а одинъ изъ нашихъ спутниковъ-офицеровъ, выхвативъ шашку, подскочилъ сзади и однимъ взмахомъ перерѣзалъ ее пополамъ...

И такова была жизненность и ярость змѣи, что, перерубленная пополамъ, она бросилась назадъ и схватила зубами за шашку съ такой силой, что сталь зазвенѣла отъ удара. Но тутъ же третья пуля угодила прямо въ голову, и огромное пресмыкающееся, вздрогнувъ, судорожно вытянулось и издохло.

IX.

Мавзолей султана Санджара.

Султанъ-Кала-Мервъ при Сельджукахъ. — Султанъ Санджаръ и высшее процвѣтаніе Мерва.—Величественный мавзолей, его внѣшній и внутренній видъ.—Легенда о пери-супругѣ Санджара.—Мечеть Ходжа-Юсупъ.—Разгромъ Мерва монголами въ XIII вѣкѣ.

Пересѣкши кладбище, мы вышли на дорогу, гдѣ уже стояли наши экипажи. Я по прежнему сѣлъ въ бричку рядомъ съ поручикомъ X.

— Извините меня за мои докучные вопросы,—обратился я къ нему, когда мы вновь двинулись среди развалинъ и какихъ-

то валовъ или глинобитныхъ стѣнъ,—скажите, мы теперь находимся въ крѣпости султана Санджара?

— Да,—отвѣтилъ X,—уже гробницы асх'абовъ находятся въ предѣлахъ Султанъ-Калы. Площадь ея значительно больше, чѣмъ площадь первыхъ двухъ крѣпостей, и каждая стѣна имѣетъ около двухъ верстъ длины. Мы сейчасъ пересѣкаемъ южную стѣну Калы.

— Какая же исторія Султанъ-Калы?

— Время основанія этого городища съ точностью неизвѣстно, но можно, кажется, предположить, что относится къ эпохѣ Сельджукской династіи, которая водворилась въ этихъ краяхъ на развалинахъ Арабскаго царства, предшествовавшаго турецкому владычеству и просуществовавшаго съ VII по X вѣкъ включительно. Уже при арабахъ Мервъ процвѣталъ, но при Сельджукахъ, по словамъ исторіи, онъ достигъ высшаго расцвѣта. Онъ сталъ столицей Азіи, Царемъ Міра [1]), богатѣйшимъ и славнѣйшимъ городомъ, разсадникомъ культуры и средоточіемъ науки и искусствъ. Въ немъ былъ похороненъ, какъ говоритъ преданіе, знаменитый султанъ Альпъ-Арсланъ, погибшій въ 1702 году, во время похода на Транссоксанію, отъ кинжала убійцы. По тому же преданію, онъ былъ положенъ рядомъ съ отцомъ своимъ Джагри-Бекомъ и дядею Тогрулъ-Бекомъ и на могилѣ его,—какъ будто бы существующей и по нынѣ,—была сдѣлана слѣдующая надпись:

«Всѣ вы, видѣвшіе величіе вознесеннаго до небесъ Альпъ-Арслана, ступайте въ Мервъ и узрите его погребеннымъ во прахѣ».

— Но особенно заботился о Мервѣ,—продолжалъ мой спутникъ,—султанъ Санджаръ, имя котораго вы слышали уже нѣсколько разъ. Этотъ знаменитый государь, котораго приравниваютъ къ Александру Македонскому, распространилъ предѣлы своей имперіи до Сыръ-Дарьи и Инда и собралъ въ своей столицѣ, Мервѣ, громадныя богатства изъ всѣхъ завоеванныхъ городовъ и странъ. При немъ Мервъ-Шахджанъ разросся до неслыханныхъ размѣровъ... Но первое же военное несчастье султана повлекло за собой и разореніе города. Въ серединѣ XII вѣка [2]) Санджаръ пошелъ войной на тюркское племя гузовъ, чтобы наказать ихъ за отказъ уплачивать дань. Но онъ былъ разбитъ на

---

[1]) Мерву было усвоено тогда, какъ помнитъ читатель, имя *Шаджанъ* или Царская душа. Но иногда называли его и Шахджеханъ, т. е. Царь Міра.

[2]) Въ 1153 г.

голову и самъ попался въ плѣнъ. Гузы, преслѣдуя разбитыхъ турокъ, подошли къ Мерву и потребовали, чтобы султанъ уступилъ имъ свою столицу. Санджаръ гордо отвергъ это предложеніе. Тогда враги взяли силой этотъ знаменитый городъ и предали его разгрому. Грабежъ продолжался три дня. Все мало-мальски цѣнное попало въ руки варваровъ. Но, не довольствуясь этимъ, они предавали мученіямъ жителей, выпытывая, гдѣ зарыты остальныя сокровища. Разгромивъ городъ, гузы ушли обратно, уведя съ собой и султана. Три года томился въ этомъ плѣну Санджаръ, но, наконецъ, ему удалось убѣжать и вернуться въ Мервъ. Однако, всѣ эти мрачныя событія такъ подѣйствовали на него, что онъ умеръ черезъ годъ и былъ похороненъ въ томъ мавзолеѣ, который выстроилъ себѣ заранѣе, назвавъ его «домомъ будущей жизни», и къ которому мы сейчасъ подъѣдемъ.

— Вмѣстѣ съ Санджаромъ закатилась звѣзда не только Мерва, но и Сельджукской династіи... Впрочемъ, послѣдующіе владѣтели «Царя Міра» также сильно заботились о немъ и ко времени нашествія монголовъ подняли его опять на прежнюю высоту. Но эти ужаснѣйшіе враги цивилизаціи, нагрянувъ на страну въ первой четверти XIII вѣка, предали Мервъ неслыханному разгрому и положительно не оставили въ немъ камня на камнѣ. Послѣ этого разгрома жизнь замерла въ немъ на 200 лѣтъ, пока сынъ Тимура, Шахрохъ, какъ я уже разсказывалъ вамъ, не обратилъ на эти благословенныя мѣста, текущія медомъ и млекомъ, своего милостиваго взора и не приказалъ заново отстроить городъ, заложивъ его, по мусульманскому обычаю, не на старомъ пепелищѣ, а нѣсколько въ сторонѣ.

— Однако вотъ мы и пріѣхали,— сказалъ X, прерывая свой разсказъ, когда мы по скверной бугристой дорогѣ, шедшей по голой, всхолмленной грудами кирпичей и мусора мѣстности, добрались до громаднаго начавшаго разрушаться зданія съ куполообразной крышей—того самаго, которое бросилось мнѣ въ глаза еще при выѣздѣ изъ Абдулла-Ханы.

— Что-за громада!—невольно сказалъ я,—и какая прекрасная архитектура!

И, дѣйствительно, нельзя было не преклониться передъ этимъ chef-d'oeuvre'омъ строительнаго искусства, передъ этой красивой громадой, возникшей еще въ XII столѣтіи и до сихъ поръ такъ мало поддавшейся дѣйствію времени и стихій!

— Да, забыто старое искусство,— сказалъ кто-то изъ моихъ спутниковъ,—какая изъ нынѣшнихъ построекъ выдержитъ такой

огромный періодъ и съ такой честью, какъ этотъ мавзолей султана Санджара?!.

Прежде, чѣмъ войти во внутрь мавзолея, мы обошли зданіе снаружи и удивлялись его размѣрамъ и красотѣ стиля.

Въ основаніе его положенъ правильный полукубъ, на который поставленъ цилиндрической барабанъ, закрытый сверху довольно плоскимъ куполомъ. Кругомъ барабана шли полуобрушившіеся уже третьеярусные ходы галлереи, украшенные изящными колоннами и пилястрами и красивыми узорами лѣпной работѣ—изъ глины и терракоты. Сводчатыя амбразуры оконъ пересѣкали въ разныхъ мѣстахъ галлереи и были украшены разными узорами или арабскими надписями.

Все это, вмѣстѣ съ огромными размѣрами зданія [1]), производило сильное впечатлѣніе и невольно переносило мысль къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда милліоны людей гибли по манію завоевателей полуміра, а другіе милліоны стекались для постройки имъ мавзолеевъ и великолѣпныхъ памятниковъ!..

Но внутри мавзолей оказался еще величественнѣе, еще грандіознѣе, такъ какъ полъ его (земляной теперь) лежалъ значительно ниже уровня наружной земли, засыпавшей въ значительной степени цоколь зданія.

Огромный и плоскій куполъ, опиравшійся на круглый барабанъ и ничѣмъ, кромѣ этого послѣдняго, не поддерживаемый, уходилъ высоко вверхъ. Казалось, онъ просто висѣлъ въ воздухѣ безъ всякихъ опоръ и каждую минуту готовъ былъ рухнуть внизъ и погребсти подъ своими развалинами смѣльчака, осмѣлившагося вступить подъ его своды и нарушить царившіе тамъ покой и тишину...

— Я боюсь,—сказала бывшая съ нами барышня,—этотъ противный куполъ сейчасъ упадетъ и раздавитъ насъ всѣхъ...

— О, непремѣнно,—отозвался одинъ изъ кавалеровъ,—онъ именно насъ-то и поджидалъ столько вѣковъ.

— Вы смѣетесь,—разсердилась она,—а я, правда, боюсь и ни за что не войду во внутрь зданія!..

И, дѣйствительно, осталась во входѣ, прорѣзывавшемъ могучую, болѣе чѣмъ въ сажень толщиной, стѣну мавзолея и защищенномъ сверху высокой аркой.

Остальная компанія вошла во внутрь мавзолея и съ любопытствомъ присматривалась къ его могучимъ стѣнамъ, покрытымъ

---

[1]) Высота около 14, длина и ширина около 12 саженей.

когда-то лѣпными орнаментами, разноцвѣтной гразурью и арабскими надписями, почти изглаженными уже безпощадной рукой времени и неудачными реставраціями; къ стрѣльчатымъ окнамъ и громадному барабану, на которыхъ сохранились еще кое-какія украшенія и особенно одна круговая узорчатая надпись голубой глазурью по бѣлому фону; къ глубокимъ гнѣздамъ въ нижней части стѣнъ, служившихъ, очевидно, для балокъ, поддерживавшихъ полъ, и поднятымъ значительно надъ землею; и опять таки къ громадному куполу, который будто какимъ волшебствомъ держался на воздухѣ и имѣлъ въ центрѣ большое круглое отверстіе.

— Этотъ куполъ,—сказалъ кто-то, настоящій chef-d'oeuvre строительнаго искусства. Какъ геніально устроенъ онъ и какъ цѣлесообразна и вмѣстѣ красива эта система спарочныхъ сводовъ, поддерживающихъ его и одинъ изъ другаго исходящихъ!

Разговоръ происходилъ внутри мавзолея, около гробницы султана Санджара, стоящей по срединѣ зданія и представляющей большой кирпичный ящикъ, вымазанный глиной. Онъ поставленъ будто бы надъ могилой знаменитаго Сельджукида, котораго туркмены почитаютъ за святаго и приносятъ ему въ жертву разный хламъ,—вродѣ битаго стекла, кусковъ кирпича, тряпочекъ, или горсти пшеницы. Въ головахъ гробницы поставленъ шестъ, къ которому наверху прикрѣплена самая обыкновенная и притомъ грязная тряпка.

При осмотрѣ зданія, мы не могли, конечно, не замѣтить, что оно сильно обветшало, и рано или поздно отъ этого величественнаго многовѣковаго памятника останется одна груда развалинъ, если своевременно не придутъ ему на помощь.

Куполъ уже далъ большую трещину; потрескался барабанъ, потрескались стѣны... Потоки грязной воды, проходящіе свободно во внутрь, портятъ остатки внутреннихъ украшеній и приближаютъ моментъ «кончины» всего зданія.

— Но мечеть, видимо, усердно посѣщается и теперь,—сказалъ кто-то,—вонъ сколько здѣсь набросано дынныхъ корокъ. А вотъ и кожа правовѣрной змѣи, которая, очевидно, приползла въ мечеть для перемѣны ея близъ гроба святаго.

— Позвольте, позвольте, господа,—сказалъ другой изъ моихъ спутниковъ, стоявшій въ противоположномъ углу мавзолея,— обратите вниманіе, какой тутъ великолѣпный резонансъ.

И, дѣйствительно, при 40-аршинномъ разстояніи между діагонально-противоположными углами зданія, каждое слово, чуть

слышно произнесенное въ одномъ углу, отдавалось въ другомъ съ необычайной ясностью и отчетливостью, какъ будто источникъ звука находился на разстояніи одного шага.

— Да, во всѣхъ отношеніяхъ великолѣпное зданіе, и очень жаль, что оно осуждено на разрушеніе...

Выходя изъ мечети, наткнулись на толпу туркменъ, собравшихся, очевидно, для поклоненія могилѣ «святаго» и вошедшихъ въ мавзолей, какъ только мы его оставили...

Сѣвши вновь въ экипажи, мы обогнули мечеть и по отвратительной дорогѣ, заставлявшей дамъ поднимать громкіе вопли и мѣшавшей разговору, добрались черезъ нѣкоторое время, среди той же голой мѣстности, къ послѣдней достопримѣчательности Мерва—къ мечети Ходжа-Юсупъ.

Это небольшой дворъ, охваченный со всѣхъ сторонъ стѣнами и постройками. Посредине двора стоитъ надгробная камера съ арками по бокамъ, задѣланными рѣшетками. Внутри камеры находится кирпичный ящикъ, покрытый двумя коленкоровыми чехлами.

— Здѣсь похороненъ, по преданію, святой подвижникъ и аскетъ Ходжа-Юсупъ, — сказалъ намъ Х, — жилъ онъ при султанѣ Санджарѣ и прославился, какъ проповѣдникъ ислама. Онъ собиралъ преданія о жизни Магомета, 38 разъ былъ въ Меккѣ, 10 тысячъ разъ прочелъ въ свою жизнь Коранъ и зналъ наизусть до 700 сочиненій по разнымъ отраслямъ знаній. На поклоненіе его гробу стекается сюда много мусульманъ, предающихся созерцанію и размышленію о 99 божескихъ совершенствахъ вотъ въ этомъ минаретѣ, который стоитъ около гробницы...

Черезъ часъ, по той же дорогѣ, черезъ всѣ три калы, мы вернулись обратно въ имѣніе, гдѣ насъ ждалъ прекрасный обѣдъ, а вечеромъ, въ тотъ же день, сердечно поблагодаривъ любезныхъ хозяевъ, я уѣхалъ съ пассажирскимъ поѣздомъ въ Мервъ, куда меня отзывали служебныя дѣла.

Въ заключеніе этой главы я не могу не остановиться на одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ жизни Стараго Мерва, а именно на его разореніи монголами въ XIII вѣкѣ. Проф. Жуковскій, въ вышеназванномъ сочиненіи своемъ, подробно описываетъ этотъ моментъ. Его разсказомъ я руководствуюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Передъ нашествіемъ монголовъ, въ Мервѣ проживалъ въ теченіе трехъ лѣтъ знаменитый арабскій путешественникъ и гео-

графъ Якутъ. Онъ восторженно отзывается объ этомъ городѣ въ своемъ сочиненіи «Алфавитный реестръ странъ» и между прочимъ говоритъ, что въ 1219 году, когда онъ покинулъ Мервъ, этотъ послѣдній былъ въ удивительно цвѣтущемъ состояніи. «Если бы не нашествіе татаръ и бѣдствія, которыя отъ него приключились, я окончилъ бы свою жизнь въ Мервѣ. Такъ я былъ прельщенъ нѣжностью, доброжелательностью и вѣжливостью его жителей и очарованъ заключавшимися въ немъ книжными богатствами по части основныхъ наукъ. Мервъ имѣлъ тогда 10 библіотекъ-вакфовъ, болѣе богатыхъ сочиненіями, чѣмъ библіотеки любаго другаго города»... Одна изъ этихъ библіотекъ, составленная вельможею султана Санжара, состояла изъ 12 тысячъ томовъ!..

И черезъ два года отъ богатаго города остались однѣ лишь развалины!...

«Передъ появленіемъ монголовъ,—говоритъ историкъ Джувейни,—весь Хоросанъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи, особенно Мервъ, который былъ нѣкогда столичнымъ городомъ султана Санджара, прибѣжищемъ малаго и великаго. Площадь его выдѣлялась изъ странъ Хоросанскихъ, и птица безопасности и благополучія летала во всѣхъ концахъ его. Количество населенія его соперничало съ каплями весенняго дождя, а земля соревновала съ небомъ. Помѣщики, по изобилію благъ, равнялись съ царями и начальниками своего времени, съ вельможами и властелинами міра».

Первыя же вѣсти о приближеніи монголовъ возбудили панику въ Мервѣ, а когда къ нему подошелъ авангардъ ихъ,—подъ начальствомъ тѣхъ же Джебе-Нойона и Субудая, которые разили русскихъ князей на Калкѣ,—то правитель Мерва изъявилъ полную покорность и подчиненіе. Благодаря тому, завоеватели удовольствовались «малымъ угощеніемъ» и ушли далѣе, не тронувъ «Царя Міра». Но тутъ же въ Мервѣ начались раздоры и соперничество за власть, что дало поводъ татарамъ вмѣшаться въ его дѣла, а въ 1221 году осадить его и затѣмъ предать огню и мечу.

При осадѣ одного изъ хоросанскихъ городовъ палъ любимый внукъ Чингизъ-хана, Мутугенъ, сынъ Джагатая. Разгнѣванный этимъ, Чингизъ приказалъ царевичу Тули-хану разорить всѣ города Хоросана, не щадя никого изъ ихъ обитателей, отъ груднаго младенца до 100-лѣтняго старика.

Исполняя этотъ приказъ и предавая разгрому все, что попа-

далось ему на пути, Тули-ханъ очутился въ 1221 году подъ стѣнами Мерва съ 70-тысячнымъ войскомъ.

Онъ самъ лично съ 500 избранныхъ обошелъ городъ и въ теченіе 6-ти дней все смотрѣлъ на валъ, стѣну, ровъ и городскіе минареты, сомнѣваясь при такихъ мервскихъ твердыняхъ въ успѣхѣ. На седьмой день, стянувъ войска, онъ подошелъ къ городскимъ воротамъ и началъ войну. Жители сдѣлали двѣ вылазки, но обѣ окончились неудачно. Монголы безъ всякаго труда загнали смѣльчаковъ въ ворота и кольцомъ обложили городъ, такъ что и входъ и выходъ стали невозможны. Ночью всюду стояла стража. Правитель Мерва, Муджиръ-аль-Мулькъ, видѣлъ единственное спасеніе въ покорности. Онъ отправилъ къ Тули-хану посломъ для переговоровъ мервскаго имама Джемалъ-аль-Дина, прося пощады. Тули-ханъ отвѣтилъ обѣщаніями и завѣреніями, послѣ чего Муджиръ-аль-Мулькъ самъ поѣхалъ къ нему на поклонъ съ богатыми подарками. Освѣдомившись о положеніи города, Тули-ханъ потребовалъ списокъ богачей. Муджиръ-аль-Мулькъ указалъ 200 человѣкъ. Ихъ привели и выпытывали о сокровищахъ и драгоцѣнныхъ вещахъ. Затѣмъ войско вступило въ городъ и четверо сутокъ выгоняло жителей въ поле, безжалостно разлучая мужей съ женами, дѣтей съ родителями. Всѣ они были раздѣлены между солдатами и избиты. Исключеніе составили заранѣе намѣченные 400 избранныхъ и нѣсколько младенцевъ мужескаго и женскаго пола, которые были уведены въ плѣнъ. Говорятъ, что на долю каждаго воина досталось 300—400 человѣкъ. За ночь было столько убито, что возвышались горы труповъ и кровь текла рѣкой. Послѣ того Тули-ханъ приказалъ сломать стѣну и разрушить крѣпость. Покончивъ съ грабежомъ и разоромъ, монголы поставили одного изъ мервскихъ вельможъ правителемъ народа, который несомнѣнно долженъ былъ собраться изъ разныхъ угловъ. Попрятавшійся людъ сталъ, дѣйствительно, выходить изъ укромныхъ мѣстъ, и собралось его около 50 тысячъ. Монголы, шедшіе за Тули-ханомъ, претендуя на свою долю въ человѣкоубійствѣ, хитростью выманили народъ въ поле: попросили, чтобы каждый житель вынесъ имъ въ подолѣ пшеницы. Началась рѣзня уцѣлѣвшихъ отъ перваго побоища. Одинъ изъ почтенныхъ въ Мервѣ сейидовъ съ помощниками 13 сутокъ считалъ убитыхъ. Оказалось, что погибло, не считая жителей предмѣстій и деревень, 1.300.000 человѣкъ!

Черезъ нѣкоторое время послѣдовало новое разореніе, при чемъ погибло около 100 тысячъ человѣкъ. Ихъ десятками свя-

зывали вмѣстѣ и уводили въ плѣнъ. Городъ былъ отданъ на грабежъ солдатамъ, и все въ немъ было предано разрушенію. Затѣмъ монголы удалились, но одинъ отрядъ остался добивать уцѣлѣвшихъ. Употребляя разныя средства, въ родѣ обычнаго призыва къ молитвѣ, они выманивали ихъ изъ укромныхъ мѣстъ и избивали въ теченіе 41 дня. Осталось только нѣсколько жителей, но новый отрядъ уничтожилъ и ихъ.

Въ концѣ концовъ отъ Мерва, Души Царской, осталось только около 12 *индійцевъ* почти дѣтскаго возраста, а по другому преданію, уцѣлѣло всего четыре души. Городъ сталъ обителью гіенъ и хищныхъ звѣрей. Отъ деревъ не осталось ни одной вѣтки, а отъ дворцовъ—ни одного бельведера.

«Гнѣвный Создатель,—говоритъ историкъ Хафизи-Абру,—до такой степени постигъ народъ тотъ, что около 200 лѣтъ ни для одного путника не было тѣни, въ которой онъ отдохнулъ бы хотя минуту, а у жителя не было сосѣда, которому онъ могъ бы разсказать объ ударахъ судьбы».

Черезъ двѣсти лѣтъ, какъ знаетъ уже читатель, Старый Мервъ былъ возобновленъ султаномъ Шахрохомъ, но въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣковъ и этотъ новый городъ погибъ подъ ударами бухарцевъ.

И гдѣ прежде процвѣтала пышная культура, гдѣ были сосредоточены всѣ богатства міра, гдѣ развивались науки и искусства, — тамъ теперь стоятъ однѣ развалины — обиталище шакаловъ и змѣй!

Sic transit gloria mundi!

А. Андреевъ.